
Ассоциация исследователей российского общества
(АИРО–XXI)

Серия «АИРО – научные доклады и дискуссии. Темы для XXI ве-
ка»

Н. В. КРАВЧУК

ИСТОРИЯ ОТЕЧЕСТВА
ГЛАЗАМИ МАЛОРОССА

Метаисторические очерки

МОСКВА
«АИРО–XXI»
2009

Серия
«АИРО – НАУЧНЫЕ ДОКЛАДЫ И ДИСКУССИИ. ТЕМЫ ДЛЯ XXI ВЕКА»
издается с 1999 г.

Николай Васильевич Кравчук,
физик по образованию, действительный член
Московского философско-экономического
Ученого собрания при МГУ им. М. В. Ломоносова.

Дизайн *Сергей Щербина*

Н. В. Кравчук.

История отечества глазами малоросса. (Метаисторические очерки). [Текст] / Н. В. Кравчук. – М.: «АИРО–XXI». 2009 г. – 96 с. (Серия «АИРО – научные доклады и дискуссии. Темы для XXI века». Вып. 25)

В работе предложено использовать системный подход (в духе академика Н. Моисеева) к описанию структуры Метаистории, но главным образом – к истории «нашей цивилизации» на первом ее этапе. Для этого в первом очерке вводится концепция обобщенной суперсистемы (точнее, n-ЦЭСЭС-системы), включающая в себя большинство известных концепций, как показывается в тексте. Затем во втором очерке с данных позиций рассматривается история Древней Руси как 1-ЦЭСЭС-системы.

ISBN 978-591022-093-9

© Н. В. Кравчук, 2009 г.
© «АИРО–XXI», 2009 г.

СОДЕРЖАНИЕ

ОЧЕРК ПЕРВЫЙ:

Элементы системного подхода к Метаистории

I.1. Введение	6
I.2. Имеет ли «смысл наша история?»	7
I.3. Краткий обзор известных подходов к Метаистории ...	13
I.4. Обобщенные Суперсистемы в структуре Метаистории	35
<i>Литература</i>	48

ОЧЕРК ВТОРОЙ:

Древняя Русь – первая из «наших цивилизаций»

II.1. Введение	50
II.2. Становление «нашей цивилизации» первого поколения – Древней Руси	54
II.3. Период расцвета Древней Руси и ее «смутное время» ..	80
<i>Литература</i>	93

ОЧЕРК ПЕРВЫЙ. ЭЛЕМЕНТЫ СИСТЕМНОГО ПОДХОДА К МЕТАИСТОРИИ

I. 2. ВВЕДЕНИЕ

Представляется уместным сказать для начала несколько слов о мотивации работы*, поскольку обычно человек, приступающий к исследованию истории, имеет при этом свои мотивы, осознаваемые или нет. Правда, трудности, ожидающие его на этом пути, следовало бы осознавать с самого начала, чем автор похвастаться не может, хотя пришел он к пониманию необходимости подобной работы еще полтора десятка лет назад, когда на Украине началось крупномасштабное переписывание истории. А несколько позже выяснилось, что и в России-то ситуация в этом плане не намного лучше.

Стоит также упомянуть еще об одном из мотивов, связанным с мнением, довольно распространенным ныне в среде коллег-естественников: мол, гуманитарии вообще, а историки в частности, так легко и круто меняют свои позиции и взгляды либо по той причине, что история – не наука, либо потому, что у них нет методов научного анализа**. Не столь прямо, но, по сути, это же можно проследить и в позиции некоторых видных ученых-естественников, к примеру, академика Н. Моисеева (о чем речь будет идти ниже).

Хотя автор и не считает оправданными подобные взгляды (не смотря на известную долю истины, в них содержащуюся), он уже

* Имея в виду не только представляемую здесь, но и ее продолжение, так что на самом деле это относится к целому циклу очерков.

** При этом мы не учитываем внаучных мотиваций типа приспособленчества, карьеризма и т. п.

давно осознал необходимость использования системного подхода в исторической проблематике, но считает, что при этом вряд ли уместно переносить *прямо* в эту область приемы, методы, а то и терминологию естественных наук. Скорее наоборот – использование таковых должно давать *более простую* картину, вполне доступную пониманию обычного человека, по крайней мере, знающего историю (в данном случае – историю нашего Отечества)!

Автор должен признать: на первых порах ему казалось, что, в общем-то, достаточно будет представить новый подход к истории в виде докладов и выступлений на конференциях, и в достаточно популярных статьях. К примеру, представляемый очерк, будучи частью иного проекта, в сокращенном варианте был готов более десяти лет назад, причем материалы его использовались и в докладах, и в статьях. Но эти надежды не оправдались, потому и пришлось перейти к последовательности очерков, трактующим именно нашу историю, которые все вместе должны бы составить, по замыслу, целую книгу «О смысле истории на примере нашей цивилизации».

А вот непосредственным толчком, побудившим автора сесть за написание книги, послужили мотивы «практического» характера, связанные с 350-летием Переяславской Рады и 60-летием победы в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 годов, поскольку к этим датам, как известно, были приурочены особо масштабные попытки фальсификации нашей истории. Впрочем, это явление не является столь уж новым.

I. 2. ИМЕЕТ ЛИ «СМЫСЛ» НАША ИСТОРИЯ?

«Вы говорите, что спасение России в европейской цивилизации, но какое это беспредельное и безграничное слово. Хоть бы Вы определили, что такое нужно разуметь под именем европейской цивилизации, которое бессмысленно повторяют все».

Н. В. Гоголь (из письма к В. Белинскому)

Из этого высказывания видно, что уже два века назад – по меньшей мере, во времена Пушкина да Гоголя, просматривались корни тех проблем, которые ныне проросли пыльным (и ядовитым) цветом, так что реакция Николая Васильевича нам и сегодня близка и понятна. Тем более что он, как и подобает истинному

гению, вроде М. В. Ломоносова да А. С. Пушкина, мог таки проникать в суть вещей внутренним взором, что подтверждает очевидная ныне справедливость приведенного выше его суждения.

С другой стороны, достаточно давно известно, что не только у нас, но и при каждом более или менее существенном изменении в расстановке сил на мировой арене (или хотя бы в пределах наличной Ойкумены) проявляется соблазн переписать историю. То же наблюдается и при радикальных изменениях в соотношении социальных сил внутри одного отдельного государства, да в определенных ситуациях оно и понятно, поскольку часто имеет целью оправдать задним числом действия (или бездействие) упомянутых сил.

К примеру, еще Л. Гумилев отмечал: «древние авторы всегда писали свои сочинения ради определенных целей и, как правило, преувеличивали значение интересовавших их событий. Степень же преувеличения или преуменьшения определить очень трудно и не всегда возможно» ([1], с. 37).

Но думается мне, что за время существования исторической науки вряд ли был когда-либо период, в течение которого появилось бы столько попыток переписать, а точнее – сфальсифицировать – историю, а то и «переделать» ее, как в последние два десятилетия (особенно на Украине). Причем главное внимание уделялось и уделяется не столько мировой истории, сколько буквально **переделке** тех разделов ее, которые касаются истории именно нашей *восточнославянской* (т. е. по сути русской) *цивилизации*.

А поскольку она потерпела поражение в Третей мировой войне (т. н. «холодной»), хотя и временное, по нашему убеждению, поскольку была просто предана врагу своей же правящей «элитой», то победителям в ней естественно – согласно упомянутой выше логике – попытаться закрепить результаты победы, в т. ч. и путем переписывания истории. Причем в последнее время (пишется в начале 2005 года) наметилась явная интенсификация усилий в этом направлении, тем более что ныне основные СМИ в мире оказались под плотным контролем определенной группировки мировой олигархии, превратившись по сути в СМДИ (т. е. средства массовой дезинформации; см. подробнее в [2]). Это произошло и в нашей стране еще во времена «катастрофы» и «гласности».

Сейчас уже известно, что поначалу большинство таких попыток относились к области *псевдо-истории*, т. е. к прямой фальсификации истории, но вскоре оказалось, что подделки, фальсификации в общем-то поддаются разоблачению, и примеров тому есть уже

немало (см. например в [2]). Тогда проявилась и стала набирать силу тенденция более «мягких» фальсификаций – например, когда излагают хотя и реальные факты, но не все, или же группируются они так, чтобы дезориентировать читателя – как якобы «новое прочтение» истории, основанное на «новых подходах». Мы предложили называть этот феномен *квази-историей*, и в последующем намерены привести примеры таких попыток*.

На наш же взгляд, опаснее всего то, что делается нашими собственными руками, т. е. усилиями отечественных исследователей, причем и донныне реакция широкой общественности на это обстоятельство далеко не является адекватной. А это достаточно тревожно, ибо история так или иначе «перетекает» в современность. Тем более что ныне вряд ли кто станет оспаривать утверждение: именно в последние годы, с началом третьего тысячелетия, и сама история все более ускоряет свой ход, причем ее еще и «подталкивают»!

А что касается понимания и отыскания тех действительных исторических корней, откуда проистекают главные тенденции современного мирового развития, то тут дело обстоит как раз наоборот – проявляется все больше несогласованностей в их трактовке, и тем более – в их взаимосвязях. Подчеркнем, что имеется в виду главным образом отечественная наука, причем мы считаем подобное положение дел результатом практически мгновенного и массового отхода наших «обществоведов» от истмата, дававшего таки как орудия исследования, так и методы их применения, несмотря на его явный евроцентризм и другие недочеты.

Вот и оказалось, что «выплеснув из ванны вместе с грязной водой и ребенка», такие исследователи за двадцать лет так и не пришли к сколь либо внятной идеологии, а тем более – к некоей «национальной идее». В результате их «творческих» усилий и появляется, как правило, эклектическая мешанина из различных идеологем или же, в лучшем случае, подходов (западного в основном происхождения), достаточно слабо связанных друг с другом. И чтобы убедиться в этом, достаточно побывать на соответствующих конференциях и собраниях не только на Украине – тут удивляться нечему – но и в России (я мог бы привести конкретные примеры этого, но думаю, что всякий мыслящий человек имеет их и сам).

* Ради полноты следует упомянуть и третий тип фальсификаций, которые мы назвали *бред-историей* (истоки названия – в комбинации слова «бред», и известного термина «пред-история», восходящего к К. Марксу), рассчитанный совсем уж на дебилов, потому здесь таковые не рассматриваются.

Указанное обстоятельство имеет еще и то последствие, что на подобных собраниях непросто выделить из общей массы те доклады (и соответствующие статьи), в которых имеются свежие, действительно нетривиальные мысли – а таковые есть! Кроме того, отдельных мыслей недостаточно, нужна общая **научная** (а не чисто идеологическая) платформа, достаточно широкая, чтобы, опираясь на нее, можно было бы двигаться дальше.

Мы и предлагаем таковую, и даже больше – унифицированный подход к Метаистории, органически включающий в себя основные моменты как «цивилизационного» подхода Данилевского-Тойнби и «формационного» подхода Маркса-Энгельса, так и «суперэтнического» подхода Л. Гумилева. Причем использование такого общего подхода позволяет легко отсеивать и псевдо-, и квазинаучные попытки описания исторического процесса, что снова подтверждает справедливость классического вывода: *«нет ничего практичнее хорошей теории»*.

Однако наши многолетние усилия с целью изложить основы упомянутого подхода путем отдельных докладов и выступлений на различных научных конференциях и собраниях, показали их практическую безрезультатность, как уже отмечалось – они просто тонули в море «информационного шума» (проявляющегося в том числе и в виде упоминавшихся выше теорий да «новаций»), не выходя при этом на более-менее широкие слои мыслящей части общества. Иногда даже хуже – наблюдались и ситуации, когда не в меру ретивые слушатели, не разобравшись ни с сутью предлагаемого метода, ни с орудиями исследования, спешили публиковать свои «опусы», которые, по сути, дискредитировали наш подход (примеры этого будут даны в тексте).

Все это, как и неоднократные пожелания заинтересованных товарищей и коллег (в числе которых особо хочу выделить ныне покойных Л. А. Шелепина и А. А. Соловьева, осознававших не только важность, но и насущную необходимость этой работы) подтолкнули автора к идее дать хотя и краткое, но все же достаточно связное, введение в упомянутый подход к Мета-истории, так и (главным образом) его применений к реальным историческим проблемам.

Сразу хочу отметить, что продолжение данной работы (см. выше), составляющее нашу главную задачу, не будет представлять собой ни пособие по истории, ни тем более – некий учебник,

хотя бы по той причине, что изначально *предполагается* знание нашей истории. В ней мы пытаемся дать обоснование того или иного ее поворота, базируясь на методологии, изложенной кратко в данной работе. Книга не задумывалась как сугубо научная монография, равно как не предполагалось, что она будет содержать изложение всех фактов даже нашей истории. В основном отбираются только те из них, которые можно связать с ключевыми, поворотными точками ее – в нашем понимании – и вот они уже будут рассматриваться более пристально.

Также и стиль изложения носит скорее публицистический характер, а не строго научный; так, мы нередко позволяем себе проводить аналогии между событиями и деятелями давней истории и таковыми позднейшей, а то и современной, истории. Дело в том, что основной нашей задачей будет: представить нашу историю как нечто цельное, дабы понять *«чья правда, чья кривда, і чий ми діти»*, используя слова Тараса Шевченка. Впрочем, стоит отметить, что предлагаемая тут методология за прошедшее десятилетие уже не раз проявила не только свои объяснительные возможности при трактовке исторического прошлого, но также способность прогнозировать мировое развитие.

На самом же деле оказалось верным и большее – по мере углубления в конкретный исторический материал, как и по мере знакомства с различными интерпретациями, а то даже и «альтернативными версиями» истории, мало-помалу выяснилось некое фундаментальное обстоятельство, ранее автором не замечавшееся. И заключается оно в том наблюдении, что последовательное применение изложенной в данной работе методологии придает особый *метаисторический смысл* всей нашей истории. Отметим сразу, что в чем-то наше понимание этой концепции перекликается с тем, что предлагал К. Ясперс, когда утверждал, что *«смысл же доступной эмпирическому познанию мировой истории – независимо от того, присуц ли он ей самой или привнесен в нее нами, людьми, – мы постигаем, только подчинив ее идее исторической целостности»* ([3], с. 31), только вот последняя идея у нас отличается от таковой у Ясперса, как это очевидно (впрочем, она и появилась у нас совершенно независимо и на иных основаниях). И как нам представляется, именно этот смысл приводил к «выравниванию» крутых поворотов и зигзагов нашей истории, сохраняя общее ее направление, точнее – поступательное ее слагаемое. При

этом оказывается, что предлагаемые ныне в изобилии «альтернативы» чаще всего являются не чем иным, как пустым умствованием. А постижение же упомянутого смысла дает также возможность предсказать направление будущего развития.

Хочу отметить, что при работе над следующими частями книги особо полезным для меня оказалось обращение к трудам дореволюционных историков (особенно в части, касающейся Южной Руси), таких как Н. Костомаров, В. Антонович, Д. Яворницкий, А. Ефименко и др., которые до сих пор используются националистическими «историками». По прочтении этих трудов выяснилось, что на самом деле главное их содержание не только не соответствует писаниям упомянутых «историков», но часто и прямо противоположно им!^{*}

Причем стоит подчеркнуть, что в дальнейшем фигура Н. И. Костомарова приобретала больший вес на фоне остальных, ибо именно он выделил некие точки истории (Южной Руси, в частности), оказывающиеся ключевыми и в свете нашей методологии. Он же выделяется и на фоне тех русских историков XIX века, о которых вполне обоснованно отозвался В. Кожинов: *«начиная с Соловьева, русская историография занималась не изучением русской истории, а ее беспощадной критикой. Критикой крайне беспринципной. Когда, например, обращались к периоду феодальной раздробленности, проклинали Россию за то, что князья разбежались по своим углам и вступали все время в борьбу друг с другом. Когда же этот историк переходил к периоду единого твердого властвования, тут он принимался ругать Россию за деспотию. Критицизм становился как бы основной направленностью историка».*

Однако на самом деле давно уж на повестке дня в качестве первостепенного вопроса стоит не критика, но *осознание цельности нашей истории* (а к этому мы добавляем – и *ее смысла*), равно как и места нашей цивилизации в мировом развитии. Потому-то так широко цитируются здесь работы как русских ученых Н. Данилевского, С. Платонова, Л. Гумилева и др., так и британского А. Тойнби (что понятно – из-за известной близости их методологий к той, что использована нами).

^{*} Дело в том, что эти исследователи были учеными, а не примитивными конъюнктурщиками, какими оказались их последователи вроде М. Грушевского.

I. 3. Краткий обзор известных подходов к Метаистории

«Определяйте значение слов, и вы избавите человечество от половины его заблуждений»

Рене Декарт

В дальнейшем изложении мы еще не единожды воспользуемся советом знаменитого мыслителя, тем более что в нашем предмете проявляется достаточно часто множественность интерпретаций одного и того же явления, особо подчеркиваемая академиком Н. Моисеевым ([4]), как и соответствующих им понятий. И надо сказать, что это сразу бросается в глаза человеку, имеющему естественно-научное образование, подобно автору.

Причем отметим, что нельзя не поддержать Н. Моисеева и в его утверждении о назревшей необходимости формулировки новой «общей картины мира», базирующейся на «физикалистской» таковой*. Мы также поддерживаем высказанную им идею о расширении использования естественно-научных представлений и методов в общественных науках. Но это вовсе не значит, что мы ратуем, к примеру, за редукционизм – как прием, пытающийся свести в конечном счете законы движения материи на *всех уровнях* к таковым для нескольких элементарных сущностей – но придерживаемся системных представлений скорее в духе [4], хотя наша задача здесь, конечно же не может состоять в исследовании такой общей картины мира.

Более того, считаем необходимым заявить сразу, что мы не можем также воспринимать серьезно утверждения «физиков» вроде следующего: «...история – открытый и непредсказуемый процесс», даже если для его обоснования употребляются такие, представляемые универсальными, термины как «бифуркация», «консталляция» и подобные им громко звучащие аналоги. Опыт анализа подобных текстов показывает, что пишутся они, как правило, не физиками, и чаще всего эти термины не имеют никакого

^{*} См. его работу [4], хотя мы считаем устаревшим предложенный почтенным академиком *конкретный* вариант таковой – причем устаревшим в самом своем основании, но об этом следует вести речь отдельно.

точного содержания применительно к истории, используя лишь в качестве наукообразного антуража.

Мы еще раз подчеркнем, что как раз наоборот – история имеет свою структуру, свои закономерности, и главная задача – выделить их, чтобы использовать при дальнейшем анализе исторических процессов. А ближайшая цель: использовать их применительно к нашей цивилизации.

Ну, а для начала воспользуемся советом Декарта и разъясим, что будем понимать здесь под *Мета-историей*, поскольку в литературе чаще всего этот термин употребляется как синонимичный выражениям типа «философия истории», или подобным ему. Поскольку же, как следует из приведенных выше замечаний, мы не желали бы придавать ему ни философского, ни тем более, метафизического звучания, то сразу признаемся, что введен был этот термин нами скорее по аналогии с хорошо известным в науке термином *Мета-математика* – касательно математики, ясно.

Дабы было понятно, что имеется в виду, приведем самое краткое определение последнего, данное в классической монографии «Математика метаматематики» [5]: «*Мета-математика – это наука, изучающая формализованные математические теории*». Если использовать прямую аналогию, то естественно приходим к следующему определению нашего предмета: «*Мета-история – это наука, изучающая точно сформулированные теории исторического развития*», в котором, согласитесь, имеется определенный смысл, причем созвучный нашему пониманию.

Но если даже в математике стараются избегать излишней формализации (по крайней мере, на рабочем этапе), то для нас это тем более естественно, почему мы и предполагаем здесь понимать Мета-историю как *науку об историческом процессе*, рассматриваемом, так сказать, «сверху» (тем более, что, собственно говоря, приставка *мета* буквально так и переводится из древнегреческого). Или, если хотите, «с высоты птичьего полета», понимая под всем этим взгляд на историю как на развертывающийся процесс, причем развертывающийся как в пространстве, так и во времени.

При этом следует учитывать, что смотрим-то мы (желая того или нет), используя некий «бинокль» (или «телескоп» – в зависимости от ситуации) сложившихся у нас представлений, даваемых в конечном счете некоторой усвоенной нами – так или иначе в процессе обучения – теорией исторического процесса (это в лучшем случае), а то и просто некими представлениями о нем. И чем

точнее такая теория, тем лучше различимы детали процесса, с одной стороны, и тем лучше мы видим весь процесс в целом – с другой.

Конечно, *история* понимается тут как история именно человеческого общества, хотя мы практически уходим здесь от обсуждения весьма непростых проблем антропосоциогенеза на его начальном этапе, за исключением некоторых замечаний, ограничиваясь в основном исследованием писаной истории человечества. Думается, что Ф. Энгельс был прав, принимая это ограничение в последних изданиях «Коммунистического манифеста» (см. в [6]); впрочем, и сто лет спустя Л. Гумилев тоже отмечал: «*Достоверный материал дает нам так называемая историческая эпоха, когда письменные источники освещают историю этносов и их взаимоотношений*» ([1], с. 26).

А в общем-то следует признать – вместе с Гумилевым, кстати сказать – что критериям *научности* длительное время в наибольшей мере удовлетворял именно марксизм, будучи «точно сформулированной теорией общественного развития», о коих шла речь в предыдущем определении. В частности, и сейчас абсолютно обоснованным представляется нам положение классиков марксизма о периодизации истории, которые представили ее в виде трех больших этапов. Именно такое представление истории, а не в виде известной «пятичленки», по сути канонизированной «истматом», восходит к Марксу, как впервые подчеркнул четко проф. Р. Коллапов в своей книге [7] (в главе IV), хотя, к сожалению, он так и не довел обсуждение до его логического завершения.

Первый из упомянутых этапов соответствует первобытному доклассовому обществу и любопытно привести тут же высказывание известного британского историка А. Тойнби о его длительности: «*наш род, достигнув «карниза» первобытного человека 300 тысяч лет назад, отдыхал там на протяжении 98% этого периода, прежде чем перейти в Ян – активное состояние цивилизации*» ([8], с.62), хотя это утверждение нуждается и в уточнениях, о коих будет идти речь позже.

После этого этапа, отразившегося в глубинной памяти потомков, точнее – в мифологии, как «золотой век» (как утверждают некоторые, хотя по нашему мнению, уместнее было бы говорить тут о «серебряном веке»), идет следующий важный этап – этап *классового общества* (или «железный век»), лучше всего изученный Марксом и занимающий около 8 тысяч лет в истории человечества.

Неизбежность этого этапа и сопутствующих ему структурных изменений в общественной организации также была впервые обоснована Марксом как результат роста производительных сил общества; более того, они и определяются в конечном счете этими последними. Причем отражаются указанные изменения прежде всего в формах собственности на средства производства, и именно эта мысль Маркса *«должна иметь для истории такое же значение, какое для биологии имела теория Дарвина»*, как утверждал позднее Ф. Энгельс, и был прав.

В соответствии с указанным открытием, классиками были выявлены и изучены закономерности появления *различных стадий* в эволюции общества на классовом ее этапе, которые и были названы ими *общественно-экономическими формациями*. Таковыми были последовательно сменяющие друг друга: *рабовладельческая, феодальная и капиталистическая формации* или *уклады*. Более того, Маркс обосновал и закономерность появления третьего этапа в развитии общества, а именно – *бесклассового*, или *коммунизма*, указав при этом и те общественные силы, которые заинтересованы в его появлении, и могущие ускорить такое (см. [6]).

Теперь же, намереваясь уточнить классические представления, мы, прежде всего, хотим подчеркнуть проницательность Маркса, еще полтора века назад осознавшего удобство единого представления исторического процесса, как эволюции одного же объекта – общества, определив его при этом как *«законченное сущностное единство человека с природой, как подлинное воскресение природы»* ([9]; с. 590), подразумевая на практике под этим все человечество. Так что можно сказать: Маркс подошел по сути к идее *ноосферы*, причем столетием ранее В. Вернадского!

И это – несмотря на ограниченность имеющихся в то время данных, а также несмотря на предупреждение Энгельса: *«мы можем познавать только при данных нашей эпохой условиях и лишь настолько, насколько эти условия позволяют»* ([10]; с. 556). Однако в другом случае – именно в силу последнего обстоятельства – Маркс, хотя определенно знал, насколько разнообразным является человечество в социальном отношении но, находясь в рамках господствующих представлений о моноцентризме исторического процесса, а точнее говоря – в рамках европоцентристских представлений, полагал все же, что *«страна, промышленно более развитая, показывает менее развитой стране лишь картину ее собственного будущего»* (это из предисловия к «Капиталу»; см. [11], с. 9).

Так что неявно предполагалось при этом, что все страны *идут по одному пути*, постепенно догоняя «передовые» страны – какой в то время Марксу представлялась Англия; ныне такое предположение называют «теорией модернизации» и оно оказалось полностью несостоятельным (см. [2]). С другой стороны, у нас появилась и критика марксизма «слева», в том числе и касающаяся самой периодизации истории. Вот что, к примеру, писал недавно известный публицист С. Кара-Мурза относительно этого вопроса: *«в области социально-экономической она предстает как история “правильной” смены формаций и непрерывного прогресса. Здесь по мере развития производительных сил первобытнообщинный строй сменяется рабством, которое уступает место феодализму, а после, в ходе научной и промышленной революции – капитализму. Лишь эта смена формаций признается правильной»* ([12], с. 192–193).

А далее он критикует следующие утверждения (уже, как представляется, не классиков, но эпигонов): *«мифом является и утверждение о непрерывности процесса культурной эволюции и смены формаций. Феодализм был принесен варварами, завоевавшими рабовладельческую Римскую империю. Варвары же в своем укладе рабства не проходили. Какая же это непрерывность?»* (там же, с.193). Но в любом случае, тут правильно отмечены уязвимые точки, которые нам предстоит прояснить в правильной теории.

Выше уже упоминалось о той гипотезе Маркса, что в главном эволюция общества определяется материальными факторами, такими как уровень развития его производительных сил, причем с их ростом периоды плавного развития сменяются периодами бурных революционных изменений, приводя к перестройке всей общественной жизни. Наступление же таких периодов объясняется тоже вполне объективными факторами – несоответствием производственных отношений данного социума возросшему уровню его производительных сил (см. [6]; а также [13]; с.278).

Замечание 1.1. Автору хотелось бы подчеркнуть здесь особо и то обстоятельство, что Маркс оказался, по сути, предтечей и тех новых физических представлений, которые сложились впоследствии лишь во второй четверти XX века, а именно – квантовомеханических представлений. Дело в том, что как раз в рамках последних стало естественным объединять некоторые, на первый взгляд, казалось бы, различные образования (и соотв. явления) в

концепцию *одного объекта*, но находящегося в *различных состояниях* (о последних см. в [14, 15]). Посему нам, как уже знакомым с этими представлениями, проще принимать трактовку Марксом первобытного, рабовладельческого, феодального, капиталистического и коммунистического общественных укладов как различных состояний одного объекта – общества. Хотя сам Маркс пришел к такому пониманию, опираясь существенно на гегелевскую теорию развития – диалектику, предварительно, правда, «поставив ее с головы на ноги».

Однако за скобками осталось то обстоятельство, что упомянутая теория приложима, во-первых, к одному-единственному объекту, который не имеет никаких других причин и источников развития, кроме внутренних противоречий, присущих ему имманентно. Да по причине вышеупомянутой единственности, ему и взаимодействовать-то не с чем, и не с кем! Обращаясь снова к современной физике, получаем, что такие системы являются аналогами *замкнутых* физических систем, имеющих очень простые свойства, да вот беда – они не соответствуют в большинстве случаев физически сколь-либо реальным ситуациям (см. [15, 16])!

На это слабое место обратил внимание и другой известный исследователь А. Зиновьев, попытавшийся точнее определить объект исследования – общество в формально-логической системе понятий. В результате он пришел к выводу, что описанная выше последовательная смена формаций есть не что иное, как чисто “*умозрительный ряд*”, поскольку при этом, мол, “*разбросанные в пространстве и времени куски человеческой истории были изображены как этапы развития* чего-то одного. *Упорядоченный умозрительный ряд различных явлений человеческой истории был представлен как последовательные этапы развития всякого человечника. Логическое средство упорядочивания разрозненных явлений было представлено как объективный закон истории*” ([17], с. 177–178, выделено нами – Н. К.). Понятно, что в таком представлении о «непрерывности», как выше, и речи нет.

Однако, тут встает вопрос: действительно ли надо отбросить все ранее наработанное в теории, или же следует просто расширить рамки теории, учтя как критические замечания, так и новые научные данные, да и *новый исторический опыт*, т. е. все то, что было недоступно полтора века назад? Во-первых, следует не только учесть, но и особо подчеркнуть роль *двух переходных* периодов между вышеуказанными тремя этапами. Эти последние

раньше никто в общем-то не выделял, разве что Ф. Энгельс рассматривал первый из них – период перехода от бесклассового общества к классовому (который и следовало бы рассматривать как *бронзовый век*), да и то недостаточно последовательно. А он ведь занял десятки тысяч лет из упомянутых Тойнби трехсот тысяч!

А о втором же переходном периоде – от общества классового к бесклассовому (в котором мы живем уже свыше 80 лет, кстати сказать!) говорить стали только в последнее время, что и понятно – до того соответствующие „кирпичики еще не сложились”, по Ленину. Кроме того, внимательный взгляд показывает, что и эти переходные периоды сами по себе тоже структурированы – в каждом выделяются также три различные стадии, причем для полной характеристики такой периодизации (более подробной, чем формационная), уже требуется учет не только социально-экономических, но и *социо-культурных* факторов.

Замечание I.2. Опять таки аналогия с физикой подсказывает нам необходимость учета *взаимодействий* между различными социальными образованиями (как правило, различного же социального уровня), которые сами обладали бы определенной *целостностью*. А что это так и есть, было установлено вовсе не посредством физики, но сперва чисто феноменологически, усилиями целого ряда историков, начиная с нашего соотечественника, современника Маркса, Н. Я. Данилевского – в его книге «Россия и Европа» [18], затем немецким историком О. Шпенглером в его нашумевшей книге «Закат Европы» [19]; надо также упомянуть здесь и немецкого же историка А. Вебера [20]. Позднее были предприняты попытки уже более систематической трактовки британцем А. Тойнби [8] и нашим Л. Гумилевым [1]. Также упомянем здесь современных авторов американцев И. Валлерстайна [21], да С. Хантингтона [22], которые впрочем, интересовались главным образом исследованием современного мира.

Все эти исследования и привели в результате к обоснованию вывода, сформулированного предельно четко советским ученым Л. Гумилевым так: «*с точки зрения историка, человечество нельзя рассматривать как единое целое*» [1]. А с другой стороны, британец А. Тойнби обнаружил, что также и «*историю любой из европейских наций, либо национального государства нельзя объяснить саму по себе*» ([8], с. 14); впрочем, то же утверждал уже Н. Данилевский (см. первые главы его книги [17])!

Таким образом, детальное исследование и осмысление фактического материала привело к весьма обоснованным сомнениям

насчет возможности представить историю человечества в виде одной красивой расширяющейся спирали, восходящей к Гегелю, да и новейшая история постоянно подкрепляет эти сомнения.

Надо отметить, что построения только что упомянутых авторов базировались на концепции *цивилизации*, или сходных с нею, поэтому давайте, следуя Декарту, остановимся на ней подробнее. Хотя некоторые современные «исследователи» лихо вкладывают термин «цивилизация» в уста если не Пифагора, то уж Аристотеля точно, в действительности же он ведет свое происхождение от латинского слова “civilis” (т. е. является производным от него), прилегающего в античных текстах к гражданам Рима.

А сам термин «цивилизация» появился лишь во времена французского Просвещения, во второй половине XVIII века (в работах историка В. Мирабо), и широко употреблялся со времен Великой французской революции 1789 года как антоним к словам «варварство» и «дикость», обозначая *уровень развития* социального образования (кстати, именно в таком смысле он использовался в известных работах Л. Моргана и Ф. Энгельса). И в том же XVIII веке оформилось параллельно и упоминавшееся выше представление о *моноцентризме* исторического прогресса – т. е. что таковой якобы имеет центр, «цивилизация» из которого распространяется на «отсталую мировую периферию».

Подчеркнем еще раз – множественное число этот термин приобрел в XIX веке, а сначала имел значение как этап развития определенного социума, достигшего определенного уровня не только культуры (как ранее), но параллельно – уже и капиталистического развития. Потому-то он и стал прилагаться лишь к «культурным», «передовым» странам Запада (кои с тех пор принято называть «цивилизованными» или «развитыми»), обосновывая тем самым миф об их превосходстве, который в свою очередь обслуживал колониальную идеологию, а она затем – такую же практику того самого Запада, господствующего так или иначе над остальными «цивилизациями» планеты.

А в наиболее близком к современному пониманию термин «цивилизация» появился впервые в уже упоминавшейся работе Н. Данилевского «Россия и Европа» (законченной в 1868 году и изданной в 1871), хотя сам-то он употреблял главным образом термин «*культурно-исторический тип*». Чтобы быть предельно точными, процитируем самого Данилевского, пришедшего – после тщательного изучения доступного ему исторического материала,

к следующим фундаментальным выводам: «...*правильная, сообразная с законами естественной системы группировка исторических явлений приводит нас к тому выводу, что до сих пор развитие человечества шло не иначе, как через посредство самобытных культурно-исторических типов, соответствующих великим племенам, т. е. через посредство самобытных национальных групп; остается показать, что оно иначе идти и не может*» ([18], с. 113).

А затем Данилевский делает и более конкретное (и в то же время весьма общее!) утверждение о структуре Метаистории:

«Деление истории на древнюю, среднюю и новую... или вообще деление по степеням развития – не исчерпывает всего богатого содержания ее. Формы исторической жизни человечества... не только изменяются и совершенствуются по-возрастно, но еще и разнообразятся по культурно-историческим типам. Поэтому, собственно говоря, только внутри одного и того же типа, или, как говорится, цивилизации – и можно отличать те формы исторического движения, которые обозначаются словами древняя, средняя и новая история. Это деление есть только подчиненное, главное же должно состоять в отличении культурно-исторических типов (! – Н. К.)... Отыскание же и перечисление этих типов не представляет никакого затруднения, т. к. они общеизвестны...

1) Египетский, 2) китайский, 3) ассиро-вавилоно-финикийский, халдейский, или древнесемитический, 4) индийский, 5) иранский, 6) еврейский, 7) греческий, 8) римский, 9) ново-семитический или арабийский, 10) германо-романский или европейский.

К ним можно еще, пожалуй, причислить два американских типа: мексиканский, перуанский, погибшие насильственной смертью и не успевшие совершить своего развития... Между ними должно отличать типы уединенные – от типов или цивилизаций преемственных, плоды деятельности которых передавались от одного другому... Таковыми преемственными типами были 1-й, 3-й, 7-й, 8-й, 6-й и 10-й» (там же, с. 85–87).

Затем он приводит – как обоснование предлагаемого подхода, свое оригинальное понимание прогресса: «*Дабы поступательное движение вообще не прекратилось в жизни всего человечества, необходимо, чтобы, дойдя в одном направлении до известной степени совершенства, началось оно с новой точки исхода и шло по другому пути, т. е. надо, чтобы вступили на поприще деятельности другие психические особенности, другой склад ума, чувств и воли, которыми обладают только народы другого культурно-исторического типа...*

Прогресс, как мы сказали выше, состоит не в том, чтобы идти все в одном направлении (в таком случае он скоро бы прекратился), а в том, чтобы исходить все поле, составляющее приращение исторической деятельности человечества во всех направлениях» (там же, с. 109).

Мы специально процитировали Данилевского столь обильно – дабы показать, сколько идей восходит уже к нему! Но оказалось, к сожалению, что никто из современников (а ведь стоит напомнить, насколько чувствительным к общественно-политической проблематике было общество того времени!), как и последующее поколение, не сумели осознать значения его идей.

И только через пятьдесят лет в Германии историк и философ О. Шпенглер опубликовал известную книгу «Закат Европы», в которой он (нигде не упоминая Данилевского, хотя тот был хорошо известен в Европе еще в XIX веке, по утверждению академика Бестужева-Рюмина!) утверждал, что история является сугубо циклической (что, по сути, является шагом назад относительно подхода Данилевского) и представлял ее как «... драму, в которой участвует ряд мощных культур... Вместо монотонной картины линейнообразной всемирной истории, держаться за которую можно, только закрывая глаза на подавляющее число противоречащих ей фактов, я вижу феномен множества мощных культур, с первобытной силой вырастающих из недр породившей их страны, к которой они строго привязаны на всем протяжении своего существования, и каждая из них налагает на свой материал – человечество – свою собственную форму и у каждой своя собственная идея, собственные страсти, собственная жизнь, желания и чувствования и, наконец, собственная смерть» ([19], с. 56). И Шпенглер затем продолжает свою аналогию к следующему утверждению-определению: «Культуры – это организмы, а мировая история есть коллективная биография» (там же).

И тем не менее, несмотря на такую художественную выразительность, на столь яркое и эмоциональное изложение, шпенглеровское видение исторического процесса безусловно является менее четким, чем данное Данилевским (хотя и в более конкретизированной ситуации). Но главный недостаток схемы Шпенглера заключается, на наш взгляд, в отсутствии в ней каких-либо взаимодействий, что отметил и К. Ясперс.

Он подчеркивал в [3], что по Шпенглеру, его культуры – это «самостоятельные формы жизни, имеющие начало и конец; они

ни в коей мере не взаимосвязаны, но иногда могут соприкасаться и мешать друг другу» (с. 30). А затем Ясперс еще раз останавливается на этой схеме в примечаниях, подчеркивая что «...в противовес шпенглеровскому абсолютному делению на изолированные, параллельно существующие культуры следует указать на их эмпирически выявляемые соприкосновения, влияния, заимствования...» (там же, с. 281). А ниже утверждает даже более того: что, по Шпенглеру «различные культуры... в корне различны, друг для друга непостижимы» (там же).

Однако, несмотря на всю подчеркнутую выше статичность этой схемы, до сих пор в среде некоторых «русских патриотов» живет мнение, что именно с помощью работы Шпенглера «...можно было предопределять историю развития человечества!» ([23], с. 4).

Более того, делаются и следующие противоречащие друг другу выводы: «Смерть культуры вовсе не означает обязательное исчезновение данного этноса. Исторически умерший народ просто возвращается в свою первобытную душевную стихию» (там же, с. 6). Тогда как первое утверждение безусловно верно, то второе – совершенно неверно, причем это последнее демонстрируется примером самого автора, приведенным в обоснование своего утверждения! Мы на этом примере надеемся остановиться в заключительной главе. Отметим, ради объективности, что в заключительной части своей статьи автор приходит к правильным выводам (видимо, это тот редкий случай, когда предыдущие ошибки скомпенсировали друг друга?).

Касательно же самого Шпенглера надо сказать, что именно он ввел такие важные концепции, как *прасимвол* (и близкую к нему концепцию *цивилизационного кода*), которые и до сих пор не получили, на наш взгляд, должного развития и конкретизации – как неких *параметров* «цивилизации» (хотелось бы сказать – *инвариантов* таковой, хотя это конечно слишком сильно); на этом мы намерены еще остановиться особо в более специфических ситуациях.

Здесь же отметим замечание Ясперса, что якобы уже А. Вебер в [20] – в противоположность Шпенглеру – сумел «...нарисовать процесс исторического развития, не возводя в принцип ни тезис о рассеянных, не соотносящихся друг с другом культурных организмах, ни единство человеческой истории, как таковой» ([3], с. 31). Но что же было достижением Вебера?

Согласно Ясперсу – то, что у него *«представлен всемирно-исторический процесс, который он расчленяет на первичные культуры, вторичные культуры первой и второй ступени...»* (там же), и это действительно обозначило будущее направление развития теории, тем более что Вебер верно определил причину возникновения вторичных культур на Западе воздействием народов-кочевников. Но более-менее законченной теории он так и не предложил, и развить упомянутые концепции (хотя и частично) довелось уже А. Тойнби.

Но параллельно этим достижениям, хотя и несколько ранее, возникла и получила достаточно широкое распространение такая «наука», как *геополитика*, ставшая достаточно популярной в последние полтора десятка лет и среди наших «государственных мужей». Чтобы понять, дает ли она достаточно убедительную характеристику истории, стоит остановиться на ее главных, принципиальных положениях.

Как таковая, геополитика последовательно была изложена в книге Ф. Ратцеля [24], увидевшей свет в 1897 году (причем стоит заметить, что автор был известным идеологом «Второго рейха» – кайзеровского). Но сперва приведем наиболее часто встречающееся определение геополитики: *«это – наука о государстве, как географическом организме, воплощенном в пространстве»*, входящее к другому «классику» – Р. Челлену.

Единственное, что можно извлечь из этого «определения», так это то, что акцент тут делается именно на государстве, которое, кстати, сам Ратцель определяет как *«геосоцио-биологический организм»*, что могло бы представляться более удовлетворительным, если бы суметь придать ему еще и соответствующую интерпретацию. Но... далее он разъясняет, что: *«проявлением организического характера государства есть то, что оно движется и растет, как целое»* ([24], с. 19), а мол *«природа государств такова, что они развиваются, борясь с соседними государствами, причем наградой в большинстве случаев становится часть территории»* (там же, с. 248) и это далеко не случайно, поскольку *«растущий народ нуждается в новых землях для увеличения своей численности..., постольку он выходит за пределы свой страны»* (там же, с. 122).

Мы процитировали лишь главные из «законов геополитики» Ратцеля, поскольку они достаточно ясно показывают цель и назначение такой «науки» – обоснование Realpolitik кайзера Вильгельма II,

как политики территориальных захватов. Потому и возникла она в соответствующее («нужное») время – в начале эры империализма. То, что это так, показывает сравнение с имевшими место в правящих кругах Германии мнениями; в качестве примера приведем суждение будущего рейхсканцлера Ф. фон Бюлова, относящееся еще к 1887 году, т. е. до Ратцеля: *«Мы должны в конечном счете оттеснить Россию от обеих морей – от Балтийского и от Понта Эвксинского, на которых зиждется ее положение мировой державы»*.

И тем более после Ратцеля геополитические амбиции Германии уже более конкретно выражались в требованиях той же территориальной экспансии. Так, некий депутат рейхстага Ф. Науманн уже в 1915 году предложил концепцию *“MittelEuropa”* (т. е. Средней Европы), которая охватывала бы территории от Балтийского до Черного моря – под эгидой Германии, ясно. Она должна была охватывать не только Польшу, Прибалтику (в то время входившие в состав Российской империи!), и Балканы, но и более того – шла через Турцию аж до Персидского залива!

И совсем не зря министр иностранных дел России С. Сазонов назвал сей план *«Берлинским халифатом»* (см. его книгу [25]). Он писал, что при условии реализации этой доктрины *«Россия теряла прибалтийские приобретения Петра Великого, а на Юге лишалась своих черноморских владений до Крыма включительно и оставалась... после окончательного установления владычества Германии и Австро-Венгрии на Босфоре и на Балканах отрезанной от моря в размерах Московского Государства»* (с. 273).

Но ведь это-то по сути является не чем иным, как нынешним планом НАТО по реализации «Балто-Черноморской дуги», или частью плана БЧР (Большого Черноморского Региона)!

Также исследователи не случайно отмечают вклад в эту «науку» и К. Хаусхофера – будущего наставника «выдающегося практика» А. Гитлера. Раз уж речь зашла о последнем, то стоит напомнить, что прежде чем стать практиком, Гитлер предъявил и «теорию» в своей книге «Майн кампф». Правда, в ней Гитлер сразу уточняет, каково его понимание государства: *«Государство является расовым организмом, а не экономической организацией»*, а затем утверждает и свой геополитический императив: *«Лишь достаточно большое пространство на земле предоставляет нации свободу существования»*. Причем он тут же и конкретизирует его весьма и весьма недвусмысленно: *«В настоящее время в Европе прожи-*

вает 80 миллионов немцев. Текущую внешнеполитическую деятельность можно признать правильной лишь в том случае, если через 100 лет на земле будут проживать 250 миллионов немцев».

Дальше снова идет уточнение – они должны жить «не в разных камерах», но на новых землях в Европе. И где же он видит возможность получить таковые? Ответ следующий: «Желание получить земли в Европе может быть реализовано за счет России. Это означает, что новому рейху предстоит снова отправиться в поход по стопам древних тевтонских рыцарей и с помощью германского меча обрести землю для германского плуга и хлеб насыщенный для нации... Таким образом, мы, национал-социалисты, начинаем там, где закончили битву шесть веков назад!» А дальше он обосновывает реальность этих планов тем, что, дескать, Россия оказалась в руках большевиков, что для него оказывается «на практике передачей ее в руки евреев», а посему, мол: «Огромная империя на Востоке близка к краху. Свержение еврейского правления в России положит в свою очередь конец России как государства». И все это писалось в 1924 году (цитаты взяты из книги У. Ширера [26]), однако и поныне реальные последствия из этой науки «геополитики» свежи в памяти народов!

Так что мы уверены – не случайно эта «наука» каждый раз приобретала специфическую окраску – в зависимости от автора, а точнее говоря – от той державы, чьи интересы он представлял, равно как и от того, где находилось соответствующее Gross LebensRaum – большое жизненное пространство, откуда следовало вытеснить «чужаков», а затем и установить свой Weltordnung – мировой порядок.

А чтобы читателю не показалось, что вышеописанная «наука» развивалась одними лишь немцами, приведем и другой случай. В 1904 году в Британии взойшла звезда позднее ставшего весьма известным геополитиком Халфорда Маккиндера, выступившего с докладом «Географическая ось истории» (см. [27]) перед Королевским географическим обществом в Лондоне, где он заявил без обиняков: «... весь мир, вплоть до его самых удаленных и мало знакомых уголков, должен рассматриваться как объект полного политического присвоения» – вам не напоминает ли это нынешнюю политику «глобализации»?

Кстати, и позднейшие конструкции геополитики, выстраивавшие свою иерархическую структуру мира, исходя из концепций Heartland – сердцевинной земли, или Мирового острова и т. п.,

тоже очень четко выстраивались, исходя из интересов определенной державы – как правило, США.

Что касается экономики, то ее проблематика стоит тут скорее на втором плане, так что, к примеру, творцы германского варианта геополитики рассматривали таковую в контексте Grossraumwirtschaft – большого регулируемого хозяйства. В англосаксонских же вариантах, базирующихся на концепциях World Island – Мирового острова и Outlying Islands – периферийных островов, на первое место выходит концепция Атлантической цивилизации, контролирующей морские пути. Поэтому там появилась концепция «мировой экономики», хотя и мыслили ее по сути лишь как «сумму» национальных экономик, т. е. не переходящей в новое качество. Хотя концепция «Атлантической цивилизации» появилась естественно после возвышения США (особенно по окончании Второй мировой войны), однако напомним, что уже после Первой мировой войны тот же Маккиндер «выдал на гора» знаменитую фразу:

*«Кто владеет Восточной Европой – управляет Heartland'ом,
Кто владеет Heartland'ом – управляет World Island'ом,
Кто владеет World Island'ом – управляет миром»*

(в [27]; я сознательно оставил авторскую терминологию, дабы избежать возможных обвинений в неточности перевода – Н. К.)!

Более того, всего лишь через 14 лет снова обнаружилось, что такие теории имеют вполне конкретную привязку к политике. Во времена формирования Версальской системы сей автор участвовал в этом процессе и даже издал новый трактат [28] с весьма примечательным названием «Демократические идеалы и реальность» (!), где приоткрыл замысел всего процесса: «Британская и французская политика в течение столетия основывалась на постоянной широкой установке – мы противодействовали... царизму потому, что Россия была угрожающей силой, доминирующей как в Восточной Европе, так и в Сердцевинной земле на протяжении полувека. Мы противодействовали... кайзеровской империи, потому что Германия выхватила у царизма первенство в Восточной Европе и собиралась... овладеть Восточной Европой и Хартлендом».

А в действительности точно такого же сорта «теории» доминировали в практической политике Запада до конца «холодной войны», да и теперь-то не сданы в архив. И тут в качестве примера может послужить известный всем нам З. Бжезинский, уже в

1997 году определявший стратегические приоритеты США как удержание Евразии от объединения в какой-либо форме. Вот как он это формулировал:

«Евразия – родина большинства политически решительных и динамичных государств. Все исторические претенденты на мировое господство – выходцы из Евразии. Два наиболее густонаселенных государства, претендующих на региональную гегемонию, Китай и Индия, расположены в Евразии, по соседству с другими странами, способными бросить вызов политическому и экономическому превосходству США. Здесь сосредоточены шесть держав, крупнейших по экономике и оборонным бюджетам (после США), а также все (за исключением одной) явные обладатели ядерного арсенала, и все (кроме одной) неофициальные ядерные державы мира. В Евразии проживает 75% мирового населения, производится 60% мирового ВВП и добывается 75% энергетических ресурсов. Коллективная потенциальная мощь превосходит даже силы Америки».

И, тем не менее, для серьезных исследователей уже достаточно давно стало ясно, что *«геополитика – это необязательная сказка, как должен вести себя мир»* (Э. Лимонов). Хотя надо признать, что когда этакая «сказка становится былью», как это было в случае гитлеровской Германии (впрочем, и кайзеровской тоже), то этот мир содрогается, о чем не следует забывать!

Но здесь-то, в данном контексте, следует констатировать, как думается мне, что подобные теории к истинной *«морфологии мировой истории»* (Шпенглер) имеют весьма отдаленное отношение, будучи всего лишь «концентрированным выражением», по В. И. Ленину, наличной империалистической практики.

И, по-видимому, тоже не случайным есть то, что именно «кабинетный» ученый А. Тойнби, вроде бы не имеющий прямого касательства к Realpolitik, сумел установить феноменологически наиболее последовательную картину истории, согласующуюся с реальными фактами ее. А именно, таковую можно получить, исходя из предположения о существовании больших надгосударственных образований, которые тогда и являются *«самодостаточными полями исторического исследования»* [8].

Именно они являются главными объектами (и субъектами) исторического процесса, именно к таковым образованиям, которые Тойнби, вослед за предшественниками (хотя по-видимому и независимо?) назвал «цивилизациями», и применимы вышеприве-

денные утверждения Шпенглера. То есть они возникают (рождаются), растут и развиваются, проходя фазу «надлома», деградируют, и наконец, умирают. Тойнби же привел и свои объяснения именно такой эволюции указанных образований.

В чем-то подобную схему независимо предложил и русский ученый Л. Гумилев ([1]), как уже говорилось, вот только рассуждал он преимущественно в терминах *этносов*. Гумилев же в другой книге ([29]) сперва констатирует: *«греческое слово «этнос» имеет много значений, из которых мы выбрали одно: «вид, порода», подразумевая – людей»* (с. 34), но затем на с. 65 он цитирует русского ученого С. М. Широкогорова, определявшего этнос как *«группу людей, объединенных единством происхождения, обычаев, языка и уклада жизни»*, хотя это и не является удовлетворительным определением, на мой взгляд.

Затем они иногда объединяются в Суперэтноты, тоже проходящие в своем развитии аналогичные этапы. Причем Гумилев специально отметил, что *«в единой мировой истории ритмы этногенеза сопряжены с пульсом социального развития, но сопряжение не означает совпадения, а тем более единства»* (там же, с. 34).

Однако, при всем том никто из упомянутых выше ученых не смог привести убедительные причины, *объясняющие* указанные наблюдаемые на опыте феномены, и позволяющие понять нерешенные вопросы, такие например как «начало истории», о чем достаточно подробно еще будет сказано ниже. Или, скажем, позволить установить – правильно ли утверждение Тойнби из [8] (на странице 19), что: *«феодальная система в Западной Европе не была соединена какой-либо причинной связью с явлениями феодального порядка, которые можно открыть в современных им византийском и исламском обществах»*, или, точнее говоря – как его понимать правильно?

Исследования Тойнби продолжались и другими авторами – как правило, с некоторыми изменениями конструкции, но из существенных таковых следует отметить работу П. Сорокина [30], в которой он попытался создать обобщенную картину цивилизационного подхода, а затем – достаточно отличающийся от предыдущего *мир-системный* подход. Он развит в основном трудами известного французского историка Ф. Броделя [31] и американского И. Валлерстайна [21]; отметим то общее, что есть у этого подхода с цивилизационным таковым.

В нем тоже выделяются некие Супер-системы, как наднациональные образования, «имеющие границы, структуру и согласован-

ность», причем критерием выделения есть «самодостаточность» их существования [21]. Заметим, что тогда как в цивилизационных подходах принцип выделения Супер-систем ограничивается этнокультурными факторами (см. ниже), то в мир-системах это экономика, притом экономика «рыночная». Но и более того, по мнению Валлерстайна, «*цивилизации сегодня скорее лишь обозначают границы между социальными группами и экономическими зонами мира*» [32] (с. 35).

Но на практике этот автор ограничивается рассмотрением современной мир-системы (сокр. СМС) или, эквивалентно (в силу единственности таковой), капиталистической мир-экономики (сокр. КМЭ), тогда как Бродель рассматривает еще и процесс становления капитализма, и КМЭ.

Мы хотим позже остановиться именно на структуре КМЭ, возникшей в XVI веке (это время рождения ее согласуется и с мнением Маркса в [11]), причем с самого начала она базировалась на разделении труда, причем как социальном («внутреннем»), так и пространственном, географическом («внешнем»). По этой причине Валлерстайн рассматривает структуру мир-системы как состоящей из *ядра, полупериферии и периферии*, причем ядро, по определению, это зона, приобретающая прибыль (путем неэквивалентного обмена), а периферия соответственно – как теряющая прибыль, тогда как полупериферия занимает промежуточное положение, в силу самой конструкции.

Для нас существенным моментом есть то обстоятельство, что в самом ядре КМЭ существует *сердцевина*, или гегемон, причем с течением времени роль такового играли разные страны, начиная с Голландии (XVI-XVII вв.), затем от XVII до начала XX века гегемоном была Великобритания, а уже после Первой мировой войны фактически эта роль перешла к США.

Причем вокруг КМЭ существовали и иные мир-системы, называемые Валлерстайном «*внешними аренами*», которые КМЭ в конце концов поглотила, причем в результате сего и образовалась СМС. Таковы в общих чертах конструкция СМС, равно как и схема ее становления. Но вот дальнейшая детализация Валлерстайном как внутренней структуры СМС, в которой население делится на так называемые «статусные группы» и «классы» (причем последние выделяются из первых тем, что осознают свои интересы и борются за них), так и утверждение о глобальности СМС в XX веке, представляются не слишком обоснованными,

ибо не объясняют наблюдаемых исторических фактов. Однако, мы считаем возможным использовать некоторые из конструкций и концепций подхода Валлерстайна в ином контексте, да и с иной интерпретацией.

Возвращаясь теперь к теории Тойнби, напомним его трактовку зарождения «цивилизации» – она возможна лишь при наличии двух специфических условий: наличие в данном социуме «творческого меньшинства», и окружающей среды, которая ни слишком неблагоприятна, ни слишком благоприятна, а механизм зарождения «цивилизации» в таких условиях представляет собой взаимодействие «вызова» и «ответа на вызов» (см. [8]). Ясно, что вряд ли можно использовать подобные «механизмы» при серьезном исследовании.

Реалистический же механизм зарождения таких социальных организмов будет достаточно подробно описан в последующем. Ну а касательно обоснованности следующего утверждения Тойнби: «*...рост цивилизации не сопровождается ни географическим распространением общества, ни техническим прогрессом, ни усилением господства над природой*», то с ним явно нельзя согласиться.

Потому его последователи пытались обходить такие «острые углы» подчеркиванием и усилением культурологического аспекта теории. Так, П. Сорокин некоторое время спустя в [30] попытался выделить общие принципы цивилизационной теории в виде утверждений-постулатов; некоторые из них, позволяющие глубже понять существо вопроса, приводятся ниже:

П1. Существуют «цивилизации» или *культурные Супер-системы*, которые функционируют как *реальное единство*. Они не совпадают с государством, нацией или любой иной социальной группой. Границы цивилизации перекрывают обычно географические границы национальных, политических или религиозных единиц.

П2. В силу взаимозависимости компонентов цивилизации как целостной системы эти большие Суперсистемы ощутимо определяют большую часть изменений внутри ее. Изменения в Суперсистеме или в ее существенных частях взаимозависимы.

П3 и П4 не являются достаточно конкретными, на наш взгляд, и мы их опускаем, а П5 определяет число больших культурных систем в истории человечества – не более чем 30.

П6. Каждая из больших культурных систем и суперсистем зиждется на какой-то основной предпосылке, прасимволе или конечной ценности...

П7. Каждая из этих крупных супер-систем после завершения своего формирования... становится причинно-смысловым единством.

П8. Каждая из культурных Супер-систем сохраняет свою самобытность, свою самоидентичность – вопреки изменениям в составляющих ее компонентах.

П9–11. Вместо линейного жизненного пути Супер-системы изменяются либо циклически, либо ритмически, причем все имеют схожие «фазы» жизненного цикла, хотя каждая следует своим собственным путем.

После такой характеристики П. Сорокин ставит центральный вопрос: какого рода единство представляет собой «цивилизация»? А далее уточняет, что он имеет в виду:

Являются ли цивилизации лишь пространственными скоплениями или же это причинно-смысловые системы?

Хотя он и утверждал, что большинство из них – не столько культурные системы, сколько крупные «социальные общности (социальные системы), сложившиеся на основе центрального ядра», но затем сводит все к чисто «культурным ценностям и смыслам», что есть объяснением *item per item*, т. е. на деле ничего не дает.

Любопытно также привести мнение П. Сорокина о следующей «промежуточной реальности», а именно: «Национальности, как единого социального элемента нет, как нет и специально национальной связи. То, что обозначается этим словом, есть просто результат нерасчлененности и неглубокого понимания дела» ([33], с. 248), подразумевая под этим этнос, по сути. А вот суперсистема (или Суперэтнос) для него реальна.

Впрочем, вполне возможно, что Сорокин тут полемизировал с мнением своего современника, известного русского философа С. Булгакова, утверждавшего, что «*между индивидом и человечеством стоит только нация, и мы участвуем в общекультурной работе человечества как члены нации*» ([34], с. 188). И это писалось в России, причем полстолетия спустя после выхода в России же книги Данилевского [17], положившей начало цивилизационному подходу!

Но основной момент для данного подхода, коим является прежде всего предположение о том, что цивилизации могут различаться по поколениям, был подмечен А. Тойнби, хотя он и не обосновал критериев различения таковых, что привело его в тупик при рассмотрении «западной цивилизации», к примеру.

Замечание 1.3. В последнее время предпринимаются и попытки обобщения таких конструкций, и любопытные таковые предложены как раз в России, некоторые мы отметим. Так, проф. Г. Померанц ввел концепцию субэкумены (укрупняющую таковую «цивилизации»), как обозначающую «завершенную попытку наднациональной культуры, выработавшей самостоятельную философию (или мировую религию)», и насчитал всего лишь три таковых – средиземноморскую, индийскую и китайскую. Но далее ему все равно пришлось дробить эти «субэкумены» на «цивилизации», чтобы свести концы с концами при всяком более конкретном анализе! К этому хочу добавить попытки некоторых украинских ученых объединять, к примеру, в один блок, как «христианскую цивилизацию», Европу, Россию и Латинскую Америку!?

Затем, двое историков из Ростова на Дону ввели концепции ГЭКС (геоэтнокультурной системы), как «*локальную целостность, образованную взаимодействием этносов, ландшафтов и территориальных общественных систем*». Эти ГЭКСы тоже проходят аналогичные «фазы», но авторы сводят все в конце концов к «изменению ее географических форм».

Таким образом, можно констатировать, что из известных «макро-социологических» теорий наиболее адекватное, хотя и феноменологическое, описание структуры Мета-истории дает конструкция Данилевского-Тойнби, не вскрывающая, однако, конкретных механизмов появления социальных Супер-систем – «цивилизаций», их развития, роста и упадка.

А обсужденные выше «обобщения» ее, будучи по существу своему культурологическими теориями, страдают тем же недостатком, являясь еще менее обоснованными. Потребность же в преодолении односторонности упомянутых подходов осознавалась уже не одним исследователем. Так, весьма существенные замечания в этой связи восходят снова таки к академику Н. Моисееву, который недавно отмечал: «...общей картины развития цивилизаций, как и истинных пружин, выделяющих те или иные их свойства, до сих пор нет! Этот процесс сложен, ибо является *становым хребтом общего процесса самоорганизации общества, как слагаемого биосферы*» ([35], с. 13). Ведь действительно, в упомянутых выше подходах такие существеннейшие моменты, как рождение цивилизаций, к примеру, да и другие, базируются на гипотезах *ad hoc* вроде «вызов-ответ», «мимезис» и т. п. из [8], или же на предположениях о «направленных мутациях» из [1], которые

никогда не находили своего практического подтверждения, или сколь-либо серьезного теоретического обоснования.

Впрочем, Н. Моисеев «не пожаловал» и формационный подход, где все казалось ясным (по крайней мере, еще недавно было общепринятым так считать), хотя и в следующем контексте: *«Цивилизационный подход к истории иногда рассматривается в качестве противопоставления формационному. Но четкого и общепринятого определения формации, а тем более – цивилизации – как мне представляется, не существует»* ([35], с. 12). Оба замечания (сделанные им в 1995 году) оказались существенными для последующего развития, указав ключевые точки, которые следовало прояснить, но, прежде всего, следовало дать им более четкие операциональные определения.

Однако не только академик Моисеев ощутил потребность в единой трактовке – с еще большей определенностью в данном отношении высказался позднее проф. Г. Пирогов (хотя и в несколько ином контексте): *«Долгое время цивилизационный подход напрочь отвергался сторонниками подхода формационного. Однако в этом подходе просматривается ряд новых возможностей объяснения мирового развития. Более того, можно предположить, что он при определенных допущениях не противоречит формационному подходу, а напротив, существенно его дополняет»* ([36], с. 90), что оказалось абсолютно верным!

А несколько ниже он уточнил: *«похоже, однако, что между социально-экономическим строем (формацией) и культурно-историческим типом есть определенная, может быть, недостаточно еще изученная, но чрезвычайно сильная связь»* (там же, с. 117). Заметим, что эта цитируемая – весьма интересная и сама по себе статья – посвящена как раз анализу воззрений Н. Данилевского и сравнению их с «теориями» вышеупомянувшегося «советолога» З. Бжезинского [37]. А в результате проведенного обсуждения Г. Пирогов уже вполне определенно заявляет: *«чтобы суметь оценить и осознать важность сегодняшних событий, недостаточно ни формационного, ни цивилизационного подходов в отдельности. Нужен их синтез»* (там же, с. 123).

Кстати, в теории Маркса имеется весьма существенный элемент – в соответствии с использованной ими методологией (см. выше), она предсказывала, что новая формация должна появляться в странах, где уровень развития был наивысшим. Вот это-то следствие и вступило в явное противоречие с конкретными историчес-

кими фактами, и впервые это заметил молодой итальянский коммунист А. Грамши, который еще в 1918 году написал статью под заглавием *«Революция против «Капитала»»* ([38]), имея в виду нашу Великую Октябрьскую социалистическую революцию!

Позже это явление проявлялось на протяжении всего XX века и, наконец, даже такой известный в России марксист, как проф. Ф. Клоцвог (отвергающий напрочь, кстати говоря, цивилизационные представления), признал, что *«новая общественная формация никогда не возникала в странах наибольшего развития предшествующей формации!»* ([39], с. 85). Это еще раз подтверждает сделанное выше замечание, что парадигма «линейного прогресса» ([2, 12]) не дает адекватного описания исторических процессов, а потому нуждается в замене.

I. 4. ОБОБЩЕННЫЕ СУПЕР-СИСТЕМЫ В СТРУКТУРЕ МЕТАИСТОРИИ

Если суммировать изложенное выше, то можно сказать, что выяснилась потребность в подходе, синтезировавшем бы сперва два обсужденных выше подхода – формационный и цивилизационный, для чего следует выбрать подходящие орудия исследования. Таковые же доставляет общая теория систем (хотя и кратко, но достаточно полно об этом было написано в [40]), причем именно в ее терминах возможна полная формулировка концепции формации, позволяющая дать ответы на многие нерешенные проблемы и в нашей истории, как мы продемонстрируем в последующих главах.

А тут покажем на примерах, как быть, каким образом можно придать строгое научное обоснование упомянутым выше феноменологическим построениям Тойнби. Оказывается, для этого достаточно, во-первых, обратиться к формационным представлениями Маркса, упомянутым нами выше, но применяя их теперь не ко всему человечеству, а к отдельным «локальным организациям» – т. е. к конкретным «цивилизациям».

Во-вторых, при трактовке проблем *социодинамики* следует учитывать и эффекты *взаимодействия* указанных образований, притом – что весьма существенно – таковых *различных* социальных уровней, после чего и удастся получить достаточно удовле-

творительную картину Метаистории. Именно эти соображения и приводят к простому и убедительному решению проблемы зарождения «исходных цивилизаций», т. е. таковых 1-го поколения, чего не смог дать ни чисто «цивилизационный» подход ([8, 33]), ни «этногенетический» ([1, 29]) – они и не могли дать его, поскольку в этом случае доминируют прежде всего формационные соображения (об этом подробнее сказано в [40]), которые тут мы только обозначим.

Начнем из рассмотрения первого переходного периода – от бесклассового общества к классовому таковому, когда очевидно никакого единого человечества и быть не могло – были лишь отдельные целостные образования в виде общин-племен, которые в своем единстве противостояли окружающей природной среде (в т. ч. и другим племенам). И в них человек ощущал себя еще вовсе не как индивид, как отдельная личность (вопреки расхожему мнению), но лишь как член данного племени, причем «в совокупности всех общественных отношений» (Маркс). Дело в том, что на том этапе социогенеза общество и племя совпадали, потому что как раз тогда и имела место собственно общественная собственность (поскольку наличествовал субъект такого целостного отношения).

Но с распадом первобытного общества такая общественная собственность была ликвидирована, хотя переходный период к обществу классовому был весьма продолжительным. Начавшись с появлением *избыточного* продукта и закончившись, в основном, с появлением *прибавочного* продукта, когда и возникли условия для эксплуатации человека человеком (посредством присвоения результатов труда других людей, воплощенных в прибавочном продукте), он длился десятки тысяч лет.

При этом *внутреннее* развитие отдельных первобытных племен, представляющих *целостные организмы*, являющиеся *одно-временно* и производственными коллективами и социокультурными единицами, вместе с *взаимодействиями* между такими образованиями, привело к их постепенному разложению – с образованием общин, где указанные две функции *разделены*. Общины еще долго сохраняли значение как производственные единицы, но в социокультурном отношении они становились лишь частью более крупного образования – *этноса*, который играл роль квази-организма – некоторой квази-целостности, ибо охватывал уже не все общественные связи человека, но лишь некоторые их группы.

И такого рода двойственные процессы сопровождались *расщеплением* отношений собственности (с вариациями, отвечающим различным вариантам сочетания владения, распоряжения и пользования, как основными слагаемыми отношения собственности).

Отмеченному периоду «расщепленности» отвечала и раздробленность в пространственно-временном смысле, так что дальнейшее развитие шло по-разному в разных местах, в разные времена и в разном темпе. Отличие данной трактовки от классической марксистской заключается еще и в утверждении, что образование классового общества происходило не внутри каждой общины (как результат исключительно внутренних процессов, хотя определенная степень разложения родового строя уже должна была быть достигнута), но как результат *взаимодействия* различных социальных образований, причем далеко не всегда и далеко не везде – только при удачном (и достаточно редком!) сочетании различных факторов получались образования в виде некоего предгосударства. Но если уж получались, то, как правило, *через завоевание* одним племенем – номадическим (т. е. пастушески-скотоводческим) другого, как правило – оседлого земледельческого, что подметил еще К. Каутский [41].

Причем все это получалось лишь при условии достаточно высокой культуры земледелия, и сочетании благоприятных географически-климатических факторов, обеспечивающих устойчивое получение прибавочного продукта, а также при условии неоднократного повторения указанного процесса.

Таким вот образом только и мог из первого племенного, этнически однородного, образования образоваться господствующий класс, тогда как вторая этническая (уже не обязательно однородная) группа становилась при этом эксплуатируемым классом [40]. Из чего вытекает уже, что в так получившемся прото-рабовладельческом обществе классовые и этнические признаки совпадали (и в этом тоже отличие данного подхода от классической схемы) – в качестве классического примера можно привести древнюю Спарту.

Очевидно ведь, что только прямым *насилием* можно было принудить человека к *систематическому* созданию прибавочного продукта для других – разумеется, если это позволяли природные условия, да и уровень развития производительных сил, как и уровень социального развития обеих сторон. Потому-то классовое общество и появилось впервые как *рабовладельческое*, где царит всеохватывающее насилие, и осуществляется *вооруженное*

господство одной организованной социальной группы (как подчеркивалось, этнически однородной) над другой, такой организацией не имеющей. И на этом этапе господствующим становится *целостное* отношение собственности, но уже – *собственности частной*.

Однако так получалось не всегда, а только тогда, когда насилие приводило к новым формам разделения труда, которые, в свою очередь, приводили к повышению его производительности, а эксплуатирующий класс обеспечивал соответствующее этому управлению производственными процессами. Только это могло привести к качественному скачку – *образованию государства*, и подчеркнем – *одновременно с классами*, на чем настаивал уже Каутский (см. также [40]). И объясняется все это тем обстоятельством, что при этом известное улучшение жизни получали, как бы это для нас ни парадоксально звучало, и эксплуатируемые тоже! Однако в большинстве случаев классового образования не происходило, получалась лишь стратификация разного «уровня» – не хватало внешних условий, так что неудачных социальных экспериментов у Природы было неизмеримо больше, чем удачных!

Но и при этом получались социо-культурные образования в виде *этносов*, приводящие в определенных случаях к неким предгосударственным образованиям, а в исключительных обстоятельствах становящихся “*суперэтносами*”, или даже зародышами крупных социокультурных образований – тех самых, что получили название “*цивилизаций*”.

Замечание 1.4. Следует подчеркнуть, что их существование – *эмпирический факт*, давно известный историкам, а не просто умозрительная конструкция, с которой можно манипулировать, как угодно (см. обсуждаемые выше «теории»). А вот обоснование появления этого феномена пытались дать и Данилевский, и Шпенглер, и Тойнби, и Гумилев, о чем говорилось выше. Мы уже отмечали, что упомянутые авторы изучили и систематизировали громадный фактический материал, а потом каждый из них выделил те особенности, которые считал основными для характеристики этих образований. Если же рассмотреть все упомянутые подходы вместе, в комплексе, то обнаруживаем, прежде всего, что такие образования ведут себя подобно неким организмам – рождаются, растут и умирают, как это ярко выразил – касательно «культур» – О. Шпенглер, хотя они вовсе не обязаны иметь фиксированный возраст в тысячу лет, как он утверждал. Потому ес-

тественно на ум приходит мысль: а не являются ли изученные до сих пор характеристики таковыми, которые на самом деле относятся к разным граням *одного объекта*? Последующий анализ, дополненный и формационными соображениями, подтвердил эту догадку, так что появились все основания заключить – именно подобные объекты (как отдельные *социальные организмы*) и есть основными *структурными* элементами человечества на весь период *классового общества*.

Ближе всех к такому пониманию подошел Тойнби, когда говорил о поколениях цивилизаций, сменяющих друг друга. Однако он не увидел тех механизмов, которые обеспечивают поступательное развитие подобных объектов, а они-то и определяются, как оказалось, из формационных соображений (т. е. из теории Маркса). Но и тут появились дополнительные аргументы, позволяющие объяснить появление новых поколений таких объектов. С этой целью мы, дабы избежать кривотолков и двусмысленностей, предложили ввести другой, специальный термин для таких образований, а именно: *n-ЦЭСЭС-система* – как сокращение от «*цивилизационно-этническая социо-экономическая Супер-система n-го поколения*», где *n* пробегает вещественные значения от 0 до 5 (на английском языке этому термину будет соответствовать обозначение: *n-CESES-system*). Отметим сразу, что ранее неявно предполагалось, что число *n* может принимать только целые значения 1 и 2, и ниже увидим, каким объектам они соответствуют. По нашему же мнению, иногда стоит также рассматривать и промежуточные значения «параметра цивилизации» *n*, равно как принять значение *n* = 0 для этапа общества-племени; см. выше.

Таким образом, для социальных образований первого переходного периода число *n* могло бы принимать значения в промежутке [0, 1], в том числе значение $n \geq 1/2$ обозначало бы Суперэтносы на этапе далеко зашедшего разложения родового строя, уже приблизившиеся в своем развитии к становлению некой предгосударственной структуры. В качестве примеров можно указать германские племена времен начала нашей эры, а также монголов XII–XIII веков. Однако следует сразу же подчеркнуть при таком расширении, что дробным значениям параметра цивилизации соответствуют *неустойчивые* Супер-системы, причем и их идентификация в цивилизационно-этническом, да и социо-экономическом отношениях часто весьма условна (потому мы в подобных случаях в дальнейшем будем говорить (и писать) просто $1/2$ -Суперсистема, или $1\frac{1}{2}$ -Суперсистема, к примеру).

А Суперсистемы с *целыми* n в общем являются *устойчивыми* – так сказать, «островами стабильности» – поскольку «ЦЭСЭС-слагаемые» тут являются уже вполне определенными, как правило. Например, значению $n = 1$ соответствуют уже определенно классовые *рабовладельческие цивилизации*, которых было в истории не менее двадцати одной, согласно Тойнби, и они были 1-ЦЭСЭС-системами в наших терминах (кстати, выражение *Супер-система* мы взяли из подхода П. Сорокина, обрисованного выше, да можно бы использовать и его «аксиоматизацию»). При этом некоторые из таких n -ЦЭСЭС-систем являются своеобразными «аттракторами», влияя на внешнее окружение, однако и тут их можно разделить на «странные аттракторы» и «естественные» таковые, сильно отличающиеся друг от друга.

Думается, что в дальнейшем такие уточнения еще пригодятся, а сейчас еще раз подчеркнем, что подход этот дает требуемый «метаисторический синтез», объясняя эволюцию человечества посредством смены социально-экономических формаций, но только идущих *внутри* некоторой целостности – «цивилизации», при все большем взаимодействии между такими целостностями! Детализируя, можно сказать, что общественное развитие, как результат роста производительных сил – представляет собой диалектическое единство двух процессов – смену общественно-экономических формаций с одной стороны, а с другой – одновременно и рост, распад, а затем и формирование других “цивилизаций” (последующих поколений, как правило), притом со все большим их взаимодействием их друг с другом.

С момента же зарождения рабовладельческого строя вся дальнейшая история человечества была историей превращения *форм частной собственности* и, соответственно, *форм угнетения* одних социальных групп другими, как отмечали классики марксизма. Рабовладельческий же строй существовал несколько тысячелетий, и “стабильность” его, как известно, объясняется *тотальностью противостояния* противоположных классов.

Вспомнив же то известное обстоятельство, что 1-ЦЭСЭС-системы (они же «рабовладельческие цивилизации» в [40]), могли существовать практически автономно, будучи достаточно разделенными в пространственном, т. е. географическом смысле, то их «время жизни» было довольно большим (порядка 3–4 тысяч лет), учитывая весьма медленное развитие производительных сил такого общества. Конечно, некоторые из них гибли сами по себе,

так сказать, под тяжестью своих внутренних противоречий, другие – при столкновениях с иными, более мощными «социальными организмами» того же поколения, но изменения качества в этих случаях не происходило.

Замечание 1.5. В качестве примера можно напомнить становление империи Александра Македонского в результате его усилий в направлении некой «глобализации» – первой в истории попытки направленного «столкновения цивилизаций», которая была «глобальной» – в пределах доступной тогда Ойкумены. Действительно, у него получилась «мировая империя» на развалинах нескольких цивилизаций первого поколения, но чего-то качественно нового (т. е. вышедшего за рамки рабовладения) так и не получилось. Да и сама эта империя не пережила своего создателя, а обломки ее так и остались рабовладельческими; другие примеры можно извлечь из [1, 8]. Заметим кстати, что приведенный пример демонстрирует неадекватность характеристики таких образований, как империи, по поколениям (как это попытался сделать проф. Ю. Яковец в [42] после весьма поверхностного знакомства с нашим подходом в 2004 году) – империи не являются организмами, будучи, как правило, образованиями, имеющими совсем иной «метаболизм» и скорее соответствуют Суперсистемам с дробным значениям параметра n . Так что империи А. Македонского стоило бы приписать значение $n = 1\frac{1}{2}$

Возвращаясь к теме, подчеркнем, что новое социальное качество рождалось при столкновениях 1-ЦЭСЭС-систем, уже клонившихся к закату в результате внутренних противоречий (в первую очередь, между возросшими производительными силами социума, и архаическими, устаревшими производственными отношениями рабовладения) с $\frac{1}{2}$ -ЦЭСЭС-системами, родившимися в «варварском» мире (как известно из тех же источников), и образованных племенами на этапе далеко зашедшего разложения родоплеменного уклада. Так было в случае Римской империи, так было в Индии, в Китае и т. д.

Причем столкновения такие повторялись многократно, пока, в конце концов, не “...происходит завоевание таким народом, который вместо рабства вводит новый способ производства” (Ф. Энгельс). Но все же и взаимодействие-то далеко не всегда приводит к появлению новой формации, чему история доставляет множество примеров, которые приводит и сам К. Маркс: “Народ-завоеватель навязывает побежденным собственный способ про-

изводства (например, англичане в этом столетии (т. е. в XIX-ом – Н. К.) в Ирландии, отчасти в Индии); или он оставляет старый способ производства и довольствуется данью (например, турки и римляне); или происходит взаимодействие, из которого возникает новое, синтез (отчасти, при германских завоеваниях)” ([43], с. 723–724). Кстати, последний пример дает уже частичный ответ на цитированное нами в начале утверждение С. Кара-Мурзы.

Отметим, что предлагаемый подход устраняет и противоречия между историками при рассмотрении генезиса феодализма – во всех известных случаях, где успешно шел «феодалный синтез», наблюдалось и рождение новых «цивилизаций», но таковых уже 2-го поколения – с новым феодалным укладом. При этом довольно часто менялась и локализация их, в особенности таковая «сердцевины» цивилизации, мог изменяться и этнический состав – если этот процесс не шел на базе некоего Суперэтнуса, конечно.

Так и рождались 2-ЦЭСЭС-системы, хотя не всегда это рождение проявлялось в столь «чистом виде», с разбивкой на этапы и т. п. Лучшее всего эти процессы были видны в Европе, так что совсем не зря она послужила основой и примером для формационной теории Маркса (как и для его евроцентризма, впрочем). Но в отличие от Суперсистем 1-го поколения, 2-ЦЭСЭС-системы заполняли «феодалную ойкумену» уже довольно плотно.

А так как из истории известно (см. например [44]), что война была весьма существенной особенностью феодализма, то различные 2-ЦЭСЭС-системы часто сталкивались, но как правило, все это носило локальный характер, не приводя к очень заметным подвижкам, а уж тем более – к качественным изменениям. Даже эпоха крестовых походов – как раз и бывших одним из проявлений столкновения «западной христианской» цивилизации 2-го поколения с «восточной исламской» того же поколения – в результате не привела к заметным подвижкам даже в территориальном плане.

Замечание 1.6. Кстати сказать, в то время именно эти восточные «цивилизации» по многим параметрам – и развитию технологий, и государственному устройству, и философии и науке – вплоть до XVI века имели более высокий уровень развития, чем Запад. Это уже потом возникла и стала расхожей формула, по которой якобы Запад – это прогресс, динамичность развития, а удел Востока – застой и косность. Вот что писал по этому поводу еще Данилевский: «Прогресс, следовательно, не составляет исклю-

чительной привилегии Запада, или Европы, а застой – исключительное клеймо Востока, или Азии; тот и другой суть только характеристические признаки того возраста, в котором находится народ, где бы он ни жил...» ([18], с.75). Хотя правильнее здесь, как следует из предыдущего, следовало бы говорить не о возрасте, но о поколении, к которому относится цивилизация!

Суммируя теперь все предыдущие рассмотрения, можно заключить, что в процессе эволюции ЦЭСЭС-систем одна грань – «цивилизационно-этническая» – отражает в основном квази-циклическую составляющую этого процесса, тогда как последовательная смена социально-экономических укладов отражает поступательную его составляющую, т. е. прогресс.

А в общем, предложенный выше синтез проявляет наблюдаемое движение истории не в виде одной красивой гегелевской расширяющейся спирали, но гораздо более сложной комбинацией разных циклически-поступательных движений, своих для каждой цивилизации, в то же время «зацепляющихся» друг за друга моменты взаимодействия различных ЦЭСЭС-систем. И тут следует уточнить известное утверждение классиков о движущих силах истории – ими на самом деле оказываются «столкновения» цивилизаций, а точнее ЦЭСЭС-систем, а не одна лишь борьба классов внутри одной такой системы!

Таковы общие очертания использованного здесь подхода, но закончить эту главу мы все же хотим рассмотрением конкретного примера «цивилизации», сыгравшей важнейшую роль в мировой истории, да и играющую таковую донныне, а именно – западной.

Замечание 1.7. Сначала несколько слов о корнях упомянутой цивилизации и ее происхождении – в связи с нередко встречающимся утверждением, что якобы именно Западная Европа является «единственной наследницей античной цивилизации». Оно очевидно неверно – достаточно напомнить, что наследницей Древней Греции (как 1-ЦЭСЭС-системы) с гораздо большими основаниями следует считать «греческую» Византийскую империю – уже 2-ЦЭСЭС-систему; о ней подробнее еще будет идти речь – в следующей главе.

Но подобное утверждение будет верным, только если под «античной цивилизацией» иметь в виду Римскую империю (как 1-ЦЭСЭС-систему), на развалинах которой и возникла позднее та «западная католическая» цивилизация, которая территориально и была расположена в Западной Европе, с границей на востоке,

проходящей через Швецию, Польшу, Чехию и другие католические страны, образующие периферию этой цивилизации.

Любопытно отметить и демографические показатели Западной Европы: в начале новой эры она имела около 26 миллионов человек населения, а через полтора тысячелетия, в конце XV века – всего 50 миллионов! Как раз тогда начала зарождаться уже другая – «западная буржуазная» (или капиталистическая) цивилизация – единственная на планете (до сих пор!) таковая 3-го поколения, т. е. 3-ЦЭСЭС-система.

То, что этот процесс (порождения) действительно был весьма и весьма нетривиальным явлением, можно продемонстрировать следующей цитатой из книги маститого историка [45]: *«Историки, изучающие сравнительную историю цивилизаций, дойдя до XVII века, более или менее единодушно восклицают: в Европе после 1500 года свершилось чудо! Отставая вплоть до конца XV века по большинству параметров исторического процесса от стран Востока (в частности, от Китая), европейская цивилизация в течение одного следующего столетия по многим из этих измерений ушла вперед, по пути, которому суждено было стать всемирно-историческим. Суть указанного чуда заключалась в том, что Европа оказалась способной перейти к более интенсивному способу производства – к капитализму, а страны, подарившие ей порох (и тем самым огнестрельное оружие), магнитную иглу, технологию производства шелка, бумаги и многое другое, этот переход к тому моменту совершить не смогли»* (с. 9). Причем не смогли до сих пор, и не смогут никогда, если будут идти по тому же пути, который автор выше называл «всемирно-историческим», ибо он ведет в тупик, как уже доказала история (и объяснение причин этого приведено в книжке [2])!

Но наш автор не останавливается на объяснении «чуда», а только замечает: *«...даже трудно себе представить, наличие скольких исторических предпосылок потребовалось только для того, чтобы стало возможным, казалось бы, довольно простое новшество – сосредоточение на сравнительно небольшом пространстве относительно значительного числа наемных работников, объединенных процессом производства одной и той же потребительской стоимости. Объяснение того, почему в одном случае эти предпосылки оказались в наличии, а в другом их не оказалось, – интереснейшая и актуальная научная задача (! – Н. К.). Важно только иметь в виду, что генезис капитализма в*

пределах европейской цивилизации явился в XVI веке и порождением хозяйственного механизма зрелого феодализма XIV–XV веков, и его отрицанием» (там же, с. 10).

Однако последнее предложение как раз ничего и не объясняет. Скорее, наоборот – в нем сделан шаг назад относительно анализа К. Маркса, давно уж разъяснившего, что «исторической основой специфически капиталистического производства» было известное «первоначальное накопление капитала», для чего недостаточно было ни «хозяйственного механизма зрелого феодализма», ни «его отрицания»! И чтобы получить нужную «основу», потребовался *внеэкономический механизм*, который состоял по сути своей в... прямом ограблении, причем не просто своего населения, но и ограбления колоний (которые, заметим, были в основном ЦЭСЭС-системами первого поколения, а то и «поколения» 1/2).

Да ведь и сам Маркс-то в «Капитале» подчеркивал: *«Открытие золотых приисков в Америке, искоренение, порабощение и погребение заживо туземного населения в рудниках, первые шаги по завоеванию и разграблению Ост-Индии, превращение Африки в заповедное поле охоты на чернокожих – такова была утренняя заря капиталистической эры производства. Эти идилические процессы суть главные моменты первоначального накопления»* ([46], с. 760). А затем он продолжил эту линию мысли так: *«сокровища, добытые за пределами Европы посредством прямого грабежа,... притекали в метрополию и тут превращались в капитал»* (там же, с. 763).

Такое вот объяснение «чуда»! Причем и значительно позже К. Леви-Стросс подчеркивал, что только колонии, посредством их прямого или косвенного разрушения в период между XVI и XIX веками, сделали возможным развитие западной цивилизации. То же самое утверждал и другой французский ученый – историк Фернан Бродель.

Так что, суммируя, можно сказать: для того чтобы Западная 3-ЦЭСЭС-система смогла родиться, совершенно необходим был очень большой *перевес сил* над остальными «цивилизациями», (или говоря иначе, большая «разность потенциалов» между ними), и таковой появился на протяжении «длинного XVI века» (в течение и в результате которого Запад стал 3-ЦЭСЭС-системой). Это выражение восходит к Броделю и Валлерстайну, а границы его можно обозначить достаточно точно: он начался с 1453 года – года взятия Константинополя турками-османами, и последовавшего за

этим падением Византии (наследницы Западной Римской империи), а закончился Вестфальским миром в 1648 году, после окончания «30-летней» войны. И этот период, главным содержанием которого стала эпоха первоначального накопления капитала, сопровождался реками крови, пролившейся как в Европе, так и за ее пределами. В него вошла эпоха Реформации, сопровождающейся религиозными войнами, а также Крестьянской войной в Германии начала обычного XVI века, да и вышеупомянутая «30-летняя» война в одной только Германии снова унесла жизни 10 миллионов человек из 25-миллионного ее населения, т. е. 40% его!

Но при всем том за два последующих века население Европы удвоилось, достигнув 100 миллионов к концу XVII века. Рождению же в течение «длинного XVI века» новой 3-ЦЭСЭС-системы из наличной «западной христианской цивилизации» (как 2-ЦЭСЭС-системы) способствовало «удачное» стечение обстоятельств. А именно – в результате Великих географических открытий, особенно открытия Америки и начала ее колонизации западными же странами, т. е. опять-таки в результате взаимодействия «цивилизаций» разных поколений! А в общем-то приведенные наблюдения, равно как и то обстоятельство, что на Земле с тех пор существует только одна 3-ЦЭСЭС-система, а больше таковых существовать и не может, есть большой и интересной темой, нуждающейся в отдельном рассмотрении.

Также надо отметить, что сам Тойнби не отличал западную «цивилизацию» 2-го поколения от «буржуазной» таковой 3-го поколения, что и приводило его к известным затруднениям. Кстати говоря, процесс перехода от первой ко второй в самой Европе происходил вовсе не просто и далеко не одномоментно, что отразилось в процессе Реформации в XVI – XVII веках, и связанных с этим религиозных войнах (внешне выглядевших как порожденные процессами раскола католицизма) в той же Европе. Впрочем, к примеру, и известную войну котрреволюционной Вандеи с революционной Францией следует понимать не иначе, как проявление «столкновения цивилизаций» – осколка гнущейся *феодалной западной* «цивилизации» второго поколения и только что родившейся *западной же буржуазной* «цивилизации» третьего поколения!

Причем, в противоположность мнению автора книги [45] (высказанному там на странице 18) – новый статус-кво в Европе действительно был зафиксирован *политически* в Вестфальском мире

1648 года (результате Тридцатилетней войны 1618 – 1648 гг.). Но вот в *экономическом* плане раскол Европы на два блока продолжился – с одной стороны оказались более развитые страны запада континента, где быстрыми темпами развивался капиталистический уклад. Причем сначала впереди оказалась Голландия (объяснение причин успеха которой приведено в [45]), но затем, после своей первой буржуазной революции 1640 – 1660 годов это место заняла Англия, причем надолго.

Второй же блок составили менее развитые в упомянутом отношении страны востока (западной) Европы – Австрия, Германия, Польша и др., где началась известная «феодалная реакция», вроде бы как «второе издание» феодализма, восстановление его позиций. Но на самом деле это был лишь процесс, так сказать, дуальный к происходящему на западе Европы, его естественное дополнение (о чем хорошо сказано, например, в книге Б. Ф. Поршнева [44]).

Мы тут специально настолько подробно остановились на этих (по сути, системных) моментах по той причине, что считаем – именно ими возможно многое объяснить в политике и поведении шляхетской Польши по отношению к Белой и Южной Руси, о чем будет идти речь ниже, в соответствующей главе. Дело в наличии глобальных взаимосвязей между процессами в, казалось бы, совершенно отличных (и далеко удаленных друг от друга) странах континента.

По этой же причине XVII век стал «эпохой кризиса» (как его характеризовал французский историк Р. Мунье), который в политической области проявился в целом ряде практически одновременных социальных катаклизмов – от упомянутой выше Английской буржуазной революции до Крестьянской войны на Украине во главе с Б. Хмельницким (переросшей затем в Национально-Освободительную), от Фронды во Франции в те же 1648–1653 годы, до восстаний в Неаполе, Барселоне и Лиссабоне, особо отмеченных в [45].

В заключение же данной темы отметим, что упомянутая несколько выше «формула» о Западе как «носителе прогресса» появилась исключительно в качестве «обоснования» колониальной экспансии этого Запада, притом особенно заметно это было в начале первой фазы «глобализации», т. е. по нашему мнению, в начале эпохи перехода от классического капитализма к империализму, но это опять же составляет тему, требующую отдельного рассмотрения и составляет предмет статьи [47].

В качестве же пред-финального замечания подчеркнем, что развитие обстановки в современном нам мире тоже нельзя понять во всей полноте, находясь в рамках прежних ограниченных представлений. Предложенный подход доставляет недостающие моменты в понимании этого; в качестве примера приведем наши недавние работы [48, 49], посвященные анализу тенденций современного развития по «горячим следам».

Замечание 1.8. Стоит отметить, наконец, что и либеральный подход, имеющий истоки еще в XVIII веке, точнее говоря – такое его позднейшее ответвление, как теория модернизации (о ней говорилось выше), тоже находится в русле парадигмы «линейного прогресса» (как и классический марксизм), о чем подробно говорится в [2], – но он исключает третий этап, считая «концом истории», а скорее – «венцом» ее, капитализм.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. – М.: Айрис Пресс. 2001.
2. Кравчук Н. В. Мифы «Смутного времени» и его реалии. 4-ое издание – Киев, Изд. «Киевская правда». 2005.
3. Ясперс К. Смысл и назначение истории. – М.: Политиздат. – 1991.
4. Моисеев Н. Н. Универсальный эволюционизм. // Вопросы философии, №2, 1995.
5. Расева Е., Сикорский Р. Математика метаматематики. – М.: Наука. 1972.
6. Маркс К., Энгельс Ф. Собр. Соч. Т.
7. Косолапов Р. И. Полет совы. – М., Палея. – 1994.
8. Тойнби А. Постигание истории. – М.: «Прогресс». 1991. 8у. Тойнбі А. Дослідження історії. Т.1, 2 – Київ. Основи. 1995.
9. Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений. – М. Политиздат. 1956.
10. Маркс К., Энгельс Ф. Собр. Соч. Т. 20.
11. Маркс К., Энгельс Ф. Собр. Соч. Т. 23.
12. Кара-Мурза С. Г. Манипуляция сознанием. – М. «Алгоритм». 2000.
13. Маркс К., Энгельс Ф. Собр. Соч. Т. 20
14. Кравчук Н. В. Квантовая механика и логика. – Киев, ИТФ. -1982.
15. Кравчук Н. В. К взаимосвязи динамических описаний общих квантовых систем. – Киев, ИТФ. 1981.
16. Кравчук Н. В. К описанию квантовомеханических систем. – Киев, ИТФ. 1980.
17. Зиновьев А. А. На пути к сверхобществу. – М. Центрполиграф. 2000.
18. Данилевский Н. Я. Россия и Европа. – М. Книга. 1991.
19. Шпенглер О. Закат Европы. – Ростов, Феникс, 1998.
20. Weber A. Kulturgeschichte als Kultursociology – Leiden, 1935.

21. Wallerstein I. The Modern World System? V.1 N.-J. – 1974.
22. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций // Полис, №1, 1994.
23. Михайлов А. Историческая судьба России // Молодая гвардия, №3, 2001.
24. Ratzel F. Politische Geography. Munchen, Leipzig. 1987.
25. Сазонов С. Д. Воспоминания. М.: Международные Отношения. 1996.
26. Ширер У. Взлет и падение Третьего Рейха. – М. 1991.
27. Mackinder H. J. The Geographical Pivot of History // Geographical Journal, V.23, №4. – London. 1904.
28. Mackinder H. J. Democratic Ideals and Reality; A study in the Politics of Reconstruction. W.D.C., H. Holt and Co. – 1996.
29. Гумилев Л. Н. От Руси к России. – М. Изд. АСТ. – 2003.
30. Sorokin P. Sociological Theories of Today – N.-Y.–London. 1966.
31. Бродель Ф. Время мира. – М. 1992.
32. Валлерстайн И. Россия и капиталистический мир-экономика // Свободная мысль, №5, 1996.
33. Сорокин П. А. Человек, цивилизация, общество. – М. 1992.
34. Булгаков С. Н. Грехи социализма. – Новосибирск. 1991.
35. Моисеев Н. Н. Современный антропогенез и цивилизационные разломы // Вопросы философии, №1, 1995.
36. Пирогов Г. Г. Данилевский в зеркале Бжезинского // Коммунист, №5, 2000.
37. Бжезинский З. Великая Шахматная доска – М.; Межд. Отношения, 1999.
38. Грамши А. Революция против «Капитала». – М. Альтернативы, 1998, №3.
39. Клоцвог Ф. Н. Социализм как общественно-экономическая формация // Коммунист 1997. №1.
40. Кравчук Н. В. Наш взгляд на Мета-историю (системный подход) // Коммунист, 2001, №1.
41. Каутский К. Материалистическое понимание истории. Т.2. – М.–Л. 1931.
42. Яковец Ю. В. Прошлое и будущее мировых империй // Философия хозяйства, №3, 2005.
43. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.12.
44. Поршнев Б. Ф. Феодализм и народные массы. – М.: Наука. 1964.
45. Барг М. А. Великая английская революция в портретах ее деятелей. – М.: Мысль. 1991.
46. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.23.
47. Кравчук Н. В. Истоки и смысл явления глобализации // в кн. Антиглобализм. – М., Изд. «И-Пром». 2002.
48. Кравчук Н. В. Об истоках нашей трактовки Метаистории // Пост-модерновый мир и Россия. – Москва – Волгоград, Изд. ВГУ. 2004.
49. Кравчук Н. В. К предистории феномена «глобализации». – Доклад на международной конференции «Диалог цивилизаций», Киев. 2003.

ОЧЕРК ВТОРОЙ. ДРЕВНЯЯ РУСЬ – ПЕРВАЯ ИЗ «НАШИХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ»

*«Россия никогда не имела ничего общего
с остальной Европой... История ее требует
другой мысли, другой формулы»*

А. С. Пушкин

II. 1. ВВЕДЕНИЕ

В предыдущем очерке «Элементы системного подхода к Метаистории» ([1]) был кратко изложен наш подход к Метаистории и прояснены его соотношения с другими, предыдущими таковыми. Там было заявлено также, что первостепенной задачей будет изложение этого метода применительно к истории нашего Отечества. И здесь мы приступаем к анализу «нашей цивилизации», прежде всего вопросов ее становления, а затем перейдем к рассмотрению последовательных этапов ее истории.

Чтобы выполнить требование знаменитого французского философа Рене Декарта *«определяйте значение слов...»* (см. эпиграф к параграфу 3 в [1]), остановимся прежде всего на том, что мы подразумеваем под словосочетанием «наша цивилизация». Ведь нетрудно заметить, что в разных контекстах оно часто употребляется применительно к разным объектам, так что может создаваться впечатление, будто определения «славянская», «православная», «русская» и т. п., относятся к одной и той же ЦЭСЭС-системе. Особенно грешат этим современные политики да публицисты, так что в результате в одну кучу сваливаются «цивилизации» разных поколений, что естественно порождает неразбериху. Впрочем, в эту ловушку попал и сам Тойнби в ([2]) при рассмотрении «западной цивилизации» (как уже отмечено нами в [1]).

Дабы не ходить далеко за примерами, приведем следующее утверждение из статьи [3] весьма плодовитого современного публициста Олега Платонова: *«В своем развитии русская цивилизация прошла четыре этапа. Первый этап – зарождение – продолжался примерно со II тысячелетия до н. э. до середины I тысячелетия н. э. Второй этап – становление – с середины I тысячелетия до 2-ой половины XIV века. Третий этап – расцвет – со 2-ой половины XIV века до последней трети XVII века. Четвертый этап – с последней трети XVII века до наших дней – может быть охарактеризован словом разрушение (упадок)»* (с. 180). Из приведенного отрывка вполне ясно, что у цитированного автора свое особое понимание самого термина «цивилизация» (мы бы сказали – «богословское» таковое), хотя в [3] имеются и любопытные наблюдения, которые в общем следовало бы учитывать.

Но более важно понять, что же такое «наша (или русская) цивилизация», тем более что иногда это словосочетание вообще заменяется одним словом *Россия*, еще больше запутывая предмет, поскольку часто неясно, к какому времени оно относится. Например, в статье Ю. Игрицкого сказано: *«В самой России западная и восточная ее части (как, впрочем, северная и южная) всегда представляли собой разные миры, включавшие в себя ареалы, находившиеся на разных уровнях развития»* (цитируем по [4], с. 80). Констатация то верная, но относится ли она к нынешней РФ, или же к другой России? Более того, из этого автор заключает: *«Отсюда понятно, что Россию никогда нельзя было полностью ассоциировать либо с Востоком, либо с Западом»* (там же) – как будто тот же Восток, да и Запад, всегда представляли собой нечто однородное.

Интересно отметить, что другой автор – С. Каспэ, критикуя такие представления, затем по сути повторяет мысль Пушкина: *«Россию необходимо рассматривать как отдельную цивилизацию, самостоятельную и самобытную, анализ которой требует особого методологического и понятийного аппарата»* ([4], с. 76). Причем вроде как осознается необходимость в использовании новых подходов (и, как минимум – в уточнении понятий). Но дело-то в том, что многое заложил уже Н. Данилевский – притом положительное, а не ту голую критику, свойственную большинству современных ему историков, как подчеркивал В. Кожин (см. его цитату в конце второго параграфа в [1]), а затем – также и А. Тойнби, что отмечено там же.

Да и мы в [1] уже разобрали содержание понятия «цивилизации», но конечно, также и слово «наша» в упомянутом сочетании несет в себе явно или неявно определенную привязку – как в пространственном, так и в этническом отношении, что тоже уже отмечалось в [1]. Тем более, если мы присмотримся внимательнее к нашей истории, то увидим, что в разные времена и пространственная локализация, и этническая структура весьма сильно различались, почему и не следует употреблять термин *Россия* всуе. Тем более что и появился он только при Петре Великом – уже в XVIII веке. Именно тогда в образованных слоях русского общества получило широкое распространение слово *росс*, извлеченное из старых византийских документов. Затем и основное население страны стали называть *великороссами*, тогда как население Малой Руси (как и позднейшей Украины) и до того называли *малороссами*. Таким образом, корнем обоих слов есть *россы*, или *русы*, что подтверждало идею о единстве восточнославянских народов, которая, напомним, и была моральным оправданием освободительной борьбы народа Малой Руси по меньшей мере с конца XVI века.

Это подтверждается прежде всего известным обращением предводителя первого крупного восстания 1591–1593 годов на Правобережье Днепра К. Косинского в Москву с просьбой о присоединении к России. А ведь через пару лет последовало совершенно аналогичное обращение от С. Наливайко – вождя следующего восстания (1594–1596) против польской шляхты, начавшееся в тех же местах, что и предыдущее, но затем значительно расширившее свой масштаб и включившее Белоруссию.

Потому уже ко времени Освободительной войны 1648–1654 годов у ее участников – от Богдана Хмельницкого до рядового казака или посполитого (за исключением некоторых прошляхетских элементов в казацкой старшине), не было никаких сомнений в необходимости такого объединения. Ко временам этой войны и последующим за ней, относятся и первые попытки теоретического осмысления вопроса о происхождении русского народа. В этой связи упомянем и таких авторов, как Феодосий Софорович да Иннокентий Гизель. Последний утверждал, в частности: «*Русские или паче Российские народы, тыижде суть Словяне*», и далее разъясняет: «*единого бо ества... и тогожде языка*» ([5], с. 8). И правильно отмечал уже недавно академик Н. Моисеев, что вопросы исторической самоидентификации, т. е. «*вопросы о том, кто мы*

есть, и откуда мы, что мы можем и куда идем, пронизывают всю нашу историю», в статье [6] (с. 14).

Впрочем, не стоит и забывать, что еще Нестор-летописец задавался вопросом: «*откуда есть пошла русская земля?*» (см. [7]), однако по-настоящему серьезный интерес к этим вопросам проявился в России в петровское время, а затем в XVIII веке весьма явственно просматривается как у М. В. Ломоносова, так и у В. Н. Татищева, О. Ригельмана, и других.

Казалось бы, что процесс познания должен был бы упрощаться наличием некоторого числа письменных источников из «седой древности», начиная с «Повести временных лет» и «Слова о полку Игореве». Но с другой стороны, это же и усложняло нахождение правильных ответов, поскольку свои ответы уже имелись, как правило, в упомянутых источниках. Для адекватной же трактовки необходимо было иметь по крайней мере методологию, если не теорию исторического процесса, чего в то время, понятно, не существовало. Тем более что история начального периода «нашей цивилизации» достаточно хорошо известна только с XI века, собственно говоря, поскольку только тогда уже стали вестись летописи в достаточно многих городах Руси (хотя наверняка их очень много потеряно в результате татарского нашествия).

Но уже тогда четко проявлялось осознание «особости» нашей цивилизации или, по крайней мере, ее нетипичности. Правда, темы эти позже трактовались большей частью литераторами да публицистами; хотя среди них был и такой, как Н. В. Гоголь, который сумел ухватить некоторые весьма существенные черты становления таковой (достаточно упомянуть некоторые материалы в «Арабесках», да «Тараса Бульбу»; см. [8]). Но на достаточно общий уровень вопросы эти были подняты позже, в ходе известной дискуссии между «славянофилами» и «западниками», уже в середине XIX века.

А вот как уже современный автор излагает концепцию «цивилизации» Тойнби применительно к России, констатируя, что в этом случае «*налицо достаточно необычное совпадение в одном явлении феноменов цивилизации, универсального и национального государств*» ([4], с. 80), что якобы «трудно уложить» в рамки упомянутой теории, равно как и некоторые другие рассматриваемые им моменты. А в конце концов он приходит к выводу: «*Россия не является “обычным” государством, а российская действительность нуждается в принципиально иных методах практического воздействия и теоретического анализа*» (там же, с. 83), так что

по сути приходим к известному тютчевскому: “умом Россию не понять, аршином общим не измерить”...

А может, в особенности-то нашей проявляются некие закономерности? Так, широко распространено, к примеру, убеждение в отсутствии рабовладельческой формации в Древней Руси, да и более широко – в отсутствии четко выраженных формаций вообще, как и в последовательности их смены. Тем более что последнее время пришлось встретиться даже с утверждениями вроде следующего: «В ходе собирания русского народа за тысячу лет сменялось множество формаций – уже по второму кругу стали меняться» ([9], с. 100). Тут уж впору задуматься – о чем речь то идет?

В действительности же в нашей истории некоторые формации проявлялись лишь в зачаточном виде, не будучи достаточно четко выраженными для того, чтобы однозначно определить уклад. Скорее наоборот – почти всегда рядом сосуществовали элементы разных укладов. Также хорошо известно, что подобные обстоятельства наличествовали и в том же Китае, при том, будучи выражены там еще более выпукло...

Однако ответить на подобные вопросы возможно, как правило, лишь путем дальнейших уточнений и конкретизаций соответствующих концепций, о необходимости чего уже шла речь выше. К примеру, еще вопрос: что подразумевать под рабовладельческим способом производства – неужели только тот, который наличествовал в Древних Греции да Риме? А может, это и тот “азиатский способ производства”, который историки долгое время не знали куда “пристроить”?

II. 2. СТАНОВЛЕНИЕ «НАШЕЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ» ПЕРВОГО ПОКОЛЕНИЯ – ДРЕВНЕЙ РУСИ

Для ответа на вопросы, поставленные в конце предыдущего параграфа, мы намерены воспользоваться уточнениями, даваемыми системным подходом – в виде, изложенном в [1]. Напомним, что оно дает представление о формации как специфической форме, способе образования из одной группы людей (эксплуатируемого класса) “оболочки”, опосредующей взаимодействие между окружающей природной средой и другой группой людей –

господствующим классом, как раз и организующим это опосредование.

Следует особо подчеркнуть при этом, что «рабовладельческий строй реализовался в разных “цивилизациях” по-разному, в достаточно несхожих на первый взгляд формах, если рассматривать их по “восходящей” – от групповых форм к индивидуальной частной собственности. Самой примитивной из них представляется форма “данничества” или, точнее – “полюдьа” (самая известная в Древней Руси), при которой средства производства (вместе с людьми) принадлежат всему классу рабовладельцев, олицетворяемому князем... эта форма экономически целесообразна при малых производственных общинах» (по [10]; об этом также говорится ниже).

Но кроме таких, в общем-то интересных теоретических вопросов, следовало бы проследить и более конкретные, к примеру, этнические аспекты происхождения «нашей цивилизации». Конечно, мы не будем и затрагивать полумифические образования вроде «трипольской цивилизации», поскольку нет там материала для обсуждения. А кроме того, выискивать «трипольские корни» нам представляется бесперспективным хотя бы по той простой причине, что по данной территории за тысячи лет прошли массы киммерийцев, скифов, сарматов и прочих племен. Кстати, тут может пригодиться статья [3], где приведены сведения об этом периоде (хотя и небесспорные таковые).

Замечание II.1. Подчеркнем сразу еще одну особенность нашего изложения – мы будем обильно цитировать прежде всего дореволюционных авторов, что делается вполне сознательно – дабы избежать упреков со стороны «патриотов» разных сортов и типов. Причем будем цитировать не только профессиональных историков, но частенько будем использовать, к примеру, мысли Н. В. Гоголя – ибо интуиция гения может сказать больше, чем штудирование огромных фолиантов! Кроме того, и сам автор в процессе работы убедился, как много нетривиальных мыслей было высказано уже сто лет назад, а то и раньше, причем многие из них позже получили свое подтверждение. Помимо этого, многие из них обладают редкостной логической цельностью, так что могут служить как минимум оселком для наших собственных построений, сильно базирующихся на методе, как мы уже отмечали. Однако не все у них можно использовать некритично, по той причине, что полтора века назад было все еще слишком сильным влияние польской исторической школы (а точнее – политико-исторической таковой), особенно что касается истории Южной Руси XVI – XVIII веков.

И естественно, нами часто будут использоваться труды Л. Гумилева, опять-таки в силу близости метода исследования. Так что и начнем разговор о нашей цивилизации именно как о *славянской* таковой, имея в виду ее исходную этническую основу, из которой и вырос впоследствии восточно-славянский Суперэтнос. Если следовать Л. Гумилеву [12] (который, в свою очередь, ссылается на академика В. Шахматова), то «...древние славяне зародились в верховьях Вислы, на берегах Тисы и на склонах Карпат. Это современные восточная Венгрия и южная Польша» (с. 22). Однако если посмотреть на современную карту, то видно, что сердцевину этой территории занимает ныне как раз Словакия да наше Закарпатье.

Правда, затем Гумилев отмечает, что «имеются и иные версии происхождения славян». И действительно, с другой стороны, многие историки XIX века (к примеру, см. [12, 13]) придерживались версии «дунайского» прихода славян на нынешнюю территорию. Конечно, за прошедшие сто с лишком лет накопилось больше фактов, прежде всего археологического характера, о том, что ареал распространения славян в начале нашей эры занимал полосу от Эльбы и Вислы на западе, до бассейнов Припяти и Сожа на востоке, согласно точке зрения видного современного ученого – академика П. П. Толочко.

Замечание II.2. Но нам представляется, что эти две версии можно согласовать, если учесть гипотезу немецкого историка Конрада Циглера из Геттингена, задавшегося вопросом: а куда делись к началу новой эры те фракийские племена из севера Балканского полуострова, которые проживали здесь еще до прихода греков? Он предположил, что именно фракийцы и были *праславянами*, которые ушли – под давлением римлян – на северо-восток, т. е. как раз в упоминаемый выше регион. Причем ушли они своевременно – избежав как разгрома римлянами (которые, как известно, в первом веке и оккупировали Фракию), так и чуть позже – теми ордами, которые прокатились при Великих переселениях народов по этой территории не единожды, как увидим ниже. Стоит отметить тут также, что гипотеза Циглера получила сильную поддержку от болгарских ученых, в частности, профессора В. Велкова (в т. ч. и данными археологических исследований).

С другой стороны, все это может объяснить ту ранее необъяснимую тягу «на Дунай», которая впоследствии проявилась в походах Святослава Великого (как к прародине?), а затем осталась в песнях да преданиях! Правда, что это не меняет по сути ничего в

наших дальнейших построениях касательно обстоятельств возникновения Киевской Руси.

Однако подчеркнем, что это замечание не относится к русам (или россам?), о коих будет говориться ниже. И (по Гумилеву) именно начиная со II–IV веков нашей эры, когда началось Великое переселение народов, славянские племена расширили свой ареал обитания.

Начало же упомянутому переселению положило (по [11]) нашествие трех скандинавских союзов готских племен, которые буквально таки «проткнули» территорию Центральной Европы с севера на юг, начав с устья Вислы и «закончив свой поход» в устьях рек Дуная, Днепра и даже Дона!

Потом, в середине III века, они столкнулись и с Римской империей, разгромив войска под командованием императора Деция (того самого солдатского императора, который погиб в 251 году, в битве под Филиппополем). А затем в 378 году под Адрианополем, будучи уже подданными Римской империи, готы еще раз разбили римское войско, и тут убив императора (на сей раз одного из двух соправителей – императора Валента), что наверняка послужило сильным «аргументом» для последующего распада упомянутого образования на Западную и Восточную (или Византийскую) империи в 395 году. Причем последняя сформировалась на базе уже существующего к тому времени суперэтноса (состоящего из греков, египтян, сирийцев, грузин, армян и славян) – раньше, чем Западная империя.

Замечание II.3. При этом Византийская империя была уже 2-ЦЭСЭС-системой (т. е. феодальной цивилизацией), имеющей в качестве идеологии православную ветвь христианства, тогда как в западной части Римской империи все еще шли процессы распада, и до появления там первых «национальных государств» оставалось еще целых полтысячелетия! Так что в общественно-социальном плане (а потому и в политическом) Византия значительно опережала Западную Европу, да и православное христианство оказалось более разработанным и стало официальной ее идеологией. Эти обстоятельства как раз и лежат в основе последующего окончательного разъединения этих христианских церквей в XI веке, поскольку каждая из ветвей уже служила базисом идеологии *своей* цивилизации, отличной от других. Так что религии оказывались разными потому, что разными были цивилизации, а не наоборот, как чаще всего приходится слышать!

Вот и в рассматриваемом случае новая Суперсистема также получилась как результат столкновения старой 1-ЦЭСЭС-системы с «варварскими племенами» даков, затем готов и гуннов (и примкнувших к ним славянских племен), в большинстве своем стоявших на этапе далеко зашедшего разложения первобытно-общинного строя (точнее, на этапе «военной демократии», или же ½-ЦЭСЭС-систем, в наших обозначениях).

Надо отметить, что готский «король» Аларих даже было овладел Римом в 409 году! Вот как о том, что представляли собой готы и их «государство», говорит Гумилев (следуя в этом готскому же историку Иордану): «*Готы стали хозяевами устья Дуная (где поселились визиготы) и современной Трансильвании (где поселились гепиды). Восточнее, между Доном и Днестром, воцарились остготы*» ([11], с. 24), которые подчинили себе «*почти всю Восточную Европу, земли мордвы и мери, верховья Волги, почти все Поднепровье, степи до Крыма и сам Крым*» (там же). Но если все это так, то получается что «держава» остготов контролировала как раз те территории, которые вошли позднее в состав Древней Руси – вряд ли такой контроль следует воспринимать буквально, но для последующего развития этот факт все же должен был иметь последствия! Возможно, что в XX-ом веке тот же Гитлер попытался повторить эту попытку «арийцев» овладеть GrossLebensraum'ом (см. в [1])?!

Замечание II.4. Касаясь начала готского нашествия, стоит отметить, что готы прежде всего прошли через земли, занимаемые в основном литовскими племенами и потеснили их, главным образом на восток. Точно так же и славянские племена, теснимые готами, разошлись от исходной территории в стороны, но уже как на запад, так и на восток. На востоке они и встретились с литовскими племенами, точно так же гонимыми. Однако последние стояли на более низкой ступени социального развития, потому-то впоследствии главным образом славяне заполнили те ниши, которые образовались после разгрома готской «державы» гуннами в конце IV века (к которым, возможно, присоединились и славяне). А так как литовцы обычно селились в лесистой, заболоченной местности, то сколь либо серьезной конкуренции между ними и славянами так и не возникло долгое время (что облегчило впоследствии образование Литовско-Русского княжества в XIV веке, после татаро-монгольского нашествия, как увидим в третьем очерке).

А что касается гуннов, то отметим, как о новых завоевателях отзывался Гоголь: «*Гунны по какому-то странному инстинкту двинулись, вместо того чтобы на юг, на северо-запад; зацепили путем своим Кавказа, сорвали с его подошвы несколько народов кавказских и увлекли с собою. Вся эта кочевая толпа высыпала в Европу... И готы, те готы, которые считались непобедимым ее оплотом и силою, уступили перед ними*» ([7], с. 329).

Гунны же потом пошли на запад, причем их вождь Атилла доходил чуть ли не до океана, заявив: «*где коснется копыто коня моего, там более не вырастет трава!*» (там же, с. 342). Однако после его смерти в 453 году опять-таки эта «держава» весьма быстро (всего за десятилетие!) распалась, а от гуннов не осталось и следа. А славяне из тех, что пошли за ними – частью остались на Балканском полуострове, а большей же частью пошли (снова с того самого Дуная...) на северо-восток.

Причем некоторые племена – например, кривичи (предки современных белорусов) не участвовали в упомянутых походах и их Н. Костомаров называл «старыми славянами», в отличие от «пришлых с Дуная», которые были «более автохтонными», если можно так выразиться. Таковыми были, по его мнению, поляне и древяне, радимичи и вятичи, и тем более тиверцы и уличи, причем все они достаточно различались между собой нравами и обычаями (см. с. 41–46 в [14]). Так или иначе, но современные историки согласны с тем, что ко времени аварского нашествия в середине VI века славяне уже постоянно упоминались в западно-европейских хрониках и у арабских авторов, и что они участвовали в европейских походах – то ли вместе с аварами, то ли самостоятельно. При этом основным регионом их пребывания снова же оказались Балканы, в том числе и Греция, где они преобладали вплоть до IX века.

И как бы то ни было, но именно с VI века наши предки начали весьма бурно расширяться не только в пространственном, но и в демографическом отношении, образовав при этом базу именно того восточнославянского Суперэтноса, который более не сходил уже со страниц истории. Гумилев так описывал начало этого процесса: «*В VI веке славяне заняли Вольту (вольтяне) и южные степи вплоть до Черного моря (тиверцы и уличи). Заняли славяне также и бассейн Припяти, где поселились древяне, и южную Белоруссию, где осели дреговичи. В северной части Белоруссии... – веныды. Кроме того уже в VII или VIII веке... радимичи и вятичи*

распространились на юг и восток до Сожа, притока Днепра, и до Оки, притока Волги, поселившись среди местных угро-финских племен» ([11], с. 33).

При этом следует учитывать и социальные изменения, поскольку родовая община постепенно заменялась территориальной, что позволяло уже интегрировать в нее упомянутое местное (автохтонное) население. А в результате к VII–IX вв. видим славян почти везде на территориях бывшей готской «державы», после которой так или иначе должны были остаться некие «следы», которые способствовали в последующем становлению уже славянской таковой. Да и более того, в тот период появляются и города – кроме Киева (у полян) и Новгорода Великого (у словен), также и Новгород Северский и Чернигов (у северян), Переяславль (у полян) и другие города. В общем-то подобная ситуация повторения процесса при первом переходном периоде (см. примеры в [1]) вовсе не является чем-то необычным – скорее наоборот.

Замечание II.5. В этой связи стоит напомнить становление государства (и соотв. 1-ЦЭСЭС-системы) в древней Греции – там сперва автохтонное население, т. н. пеласги, были завоеваны и обращены в рабство ахейцами (владеющими бронзовым оружием), которые впервые и образовали «государства» гомеровского периода. Но уже после этого новое нашествие, на сей раз дорийцев, владеющих железными орудиями, смело и ахейские «государства». При этом общество снова вернулось к родовым отношениям, и только потом образовалось то, что мы знаем теперь под именем классической Древней Греции (обо всем этом см. в [1] и в [16]). А ведь рядом-то была еще и известная «крито-микенская цивилизация»! Так что история пишет вроде одни и те страницы неоднократно, стирая старое, и вписывая новое...

Давайте напомним теперь также и суть «норманнской» теории, по поводу которой историки ломают копья уже около трех столетий. Она проста и заключается в утверждении, что мол, государство на Руси возникло во второй половине IX века именно в результате прихода сюда варягов. Вот это-то и не нравилось целым поколениям «патриётов»-историков – как же так, неужто мы сами оказались неспособными построить государственность, и для этого понадобились какие-то бродяги-пришельцы?! Кстати сказать, довольно-таки точно суть вопроса (вместе с политическими следствиями для современной ему эпохи) обозначил, по нашему мнению, А. К. Толстой в известном творении, где и появилось незабвенное: «земля у нас богата, порядку только нет»!

Такая постановка облегчает и нашу задачу, ибо остается лишь уточнить – *какого порядку?* Причем в результате такого уточнения не окажется ли, что речь идет как раз о *достоинствах* нашего этноса, о его преимуществах, а не о недостатках? Действительно, при более пристальном рассмотрении ситуации так оно и оказывается, но для этого прежде всего надо выяснить, что означал «новый порядок» в тех исторических условиях?

Однако прежде чем переходить к норманнам, давайте остановимся подробнее на еще одном, очень важном для древних славян факторе – наличии в качестве соседей другой, отличной от них этнически, группы племен «древних русов», что подчеркивает Гумилев, и не только он. Но тут как раз и начинаются разночтения, касающиеся как этнической принадлежности, так и первоначального местоположения этих последних. Гумилев считал их *германским* племенем, пришедшим территорию, «ограниченную треугольником Киев – Старая Русса – Белоозеро» много раньше, в начале тысячелетия, после разгрома их готами. А раньше, в середине XIX века, по сути аналогичные взгляды пропагандировал известный историк Н. Костомаров [14], который предполагал, правда, русов неким воинственным *литовским* племенем.

Он также полагал исходным местом жительства русов юго-восточные берега Балтики (т. е. почти там же, где и Гумилев), а потому имеющими навыки мореплавания (см. там же). Напомню, что именно так Костомаров пытался обойти „норманскую теорию” образования древнерусского государства, как изложенной еще в „Повести временных лет” (см. в [6]), и обосновываемой немецкими учеными историками Г. Байером да Г. Миллером, приглашенными в Россию еще Петром I. Миллер стал русским академиком и подготовил доклад «О происхождении народа и имени российского», который он собирался представить императрице Елизавете в 1749 году. Против его позиции тогда резко возразил М. В. Ломоносов, откуда и пошла «норманская проблема»; следующим же «норманистом» стал академик А. Шлецер при Екатерине II. На наш взгляд, стоит тут же привести и очень любопытное замечание, восходящее к Костомарову (хотя и забегая при этом наперед, в следующую часть):

Замечание II.6. Вот что он писал: «Аналогия между тем, что произошло с восточными славянами в IX веке, и тем, что произошло в XIV веке с западной Русью, поразительна. Из княжества языческой Литвы выходят князья с дружинами в широкую землю

западной и южной Руси, шаг за шагом подчиняют себе русские княжества и земли, покоряют разрозненные народы, употребляя притом силу одного против другого, сажая по городам, вместо прежних старейшин, свою родню, основывая таким образом державу, состоящую из отдельных частей, связанных между собой единством княжеского рода, с залогами политического единодержавия в будущем, которое провидится заранее в стремлении князей сначала к старшинству, а потом к распространению пределов своих владений, дают этой державе имя прежнего своего отечества, но не вносят в нее почти ничего из того быта, откуда это имя занесено, и сами быстро оставляют свою народность, свои прежние предания, усваивают язык, обычаи народа, среди которого поселились.

Разница только та, что удельная держава князей Гедиминова дома скорее пришла к единодержавию, чем держава Рюриковичей: тут пособили соседи и связь с Польшей» ([14], с. 33–34). На самом деле время было уже другое и наличествовал социальный опыт колоссальный, да и речь то шла уже о раннефеодальной державе Гедиминовичей, а совсем не потому, как пытается убедить нас далее Костомаров, что «...Литва соседствовала с Белоруссией, а пришедшие в IX веке из Руси должны были переплыть море» (там же).

А дальше Костомаров так объясняет причины скорой ассимиляции: «Литва сама вошла в состав образованной ею славянской державы, которой сообщила свое имя, а Русь, откуда прибыл Рюрик, осталась вне пределов той земли, которая наследовала ее имя. Никто не может сказать, чтоб в XIV и XV веках литовцев перешло мало в Белую Русь, на Волынь, в Украину: одно обилие литовских фамилий ясно показывает противное. Но из этих фамилий многие через два поколения уже и не знали о своем роде, а другие хотя и знали, но не соединяли с этим воспоминанием ничего национального; для них славяно-русская земля стала отечеством, так же как потом для многих из них славяно-польская, но ни в том, ни в другом случае не литовская; даже те, которых судьба удержала на месте жительства своих предков, и те легко отдавались славянским народностям, сначала русской, потом польской. Эта легкость, удобоподатливость литовской народности совершенно объясняет, почему пришельцы, появившиеся между славянами в IX веке, так скоро потеряли следы своего первобытного существования, потеряли до того, что самое происхождение их облеклось впоследствии мраком и сделалось предметом споров и догадок» (там же).

Замечание II.7. Но мы-то сейчас знаем, что прошло чуть более полувека после этих слов, как появилось государство Литва и на поверку оказалось, что реальная картина совсем не такова, как казалось Костомарову – этнос возродился, так что в этом случае скорее уж приложимы рассуждения С. Кара Мурзы из [9]!

Обращаясь же затем к происхождению самих русов (или росов), ради полноты следует отметить, что имеются и иные версии, а именно – «южные». К примеру, такие авторы XIX века, как Гедеев и Иловайский, предполагали существование так называемой «Черноморской Руси». Близкой к этой версии придерживалась и такая известная дореволюционная исследовательница, как А. Я. Ефименко (в [17]). Как мы уже говорили, для наших целей здесь подобные детали не имеют большого значения – важно только то, что русы были этнически отличными от славян. Любопытно отметить, что автор декларировал этот тезис уже давно, исходя просто из общетеоретических соображений (см. [16]), но просматривая при подготовке настоящего издания книги дореволюционных историков, которые имелись в библиотеке, наткнулся на книгу А. Ефименко [17] (написанную сто лет назад). И вот что, к своему восторгу, нахожу в ней:

«...есть полные основания предполагать, что в эпоху, непосредственно примыкающую к эпохе возникновения государства, отдельные территории, занятые южнорусскими славянами и обозначаемые у летописца названием различных племен, были объединены в союзы. Это, конечно, были те элементарные политические союзы, которые можно и в настоящее время наблюдать у разных диких племен и которым этнографы дают название «союзов мира». Главной, если не исключительной, целью таких «союзов мира» является защита от внешнего врага, требующая взаимной поддержки, а следовательно, и взаимных мирных отношений, поскольку они необходимы для данной цели.

Есть веские доказательства того, что такие «союзы мира», иначе политические союзы отдельных племен, действительно существовали... Еще важнее для нас то, что в первоначальной летописи упоминаются князья, которые не имеют ничего общего с так называемыми князьями Рюрика дома... Князья эти... сидят по городам, а города составляют, конечно, центры племенных территорий: на территории северян... Чернигов и Любеч, у полян, кроме Киева – Вышеград и Витичев, у древлян – Туров и Коростень. Города могли возникнуть только усилиями

большого территориального союза, следовательно, появление их всегда предполагает некоторую, хотя бы и зачаточную, организацию политического характера.

Итак, можно сказать, что общественная жизнь населения Южнорусской равнины была насыщена политическими элементами, но, чтобы произошла кристаллизация, т. е. государственное объединение, необходимо было вторжение в эту жизнь, так сказать, инородного тела. В качестве такого инородного тела явилась Русь.

Кто бы ни была эта загадочная Русь, пришла ли она с берегов Черного моря, как полагаем мы, или с берегов моря Балтийского по принятой гипотезе, – вот что можно относительно ее считать за достоверное: во-первых, что она была северногерманского происхождения (? – Н. К.), во-вторых, что она явилась не как народ или племя, а как дружина или шайка повольников, вроде тех новгородских удальцов, которые позже приобрели для Новгорода Великого огромные территории с инородческими данниками.

Пришедшая Русь была сильна не численностью, иначе она не потеряла бы так скоро своих национальных особенностей, не расплылась бы в славянском элементе, утратив свой язык и нравы. Она была сильна боевой и торговой опытностью, военной организацией» и продолжает затем (мы тут специально разъединили текст в данном месте – с целью, которую проясним несколько позже) «...связью с варягами – черноморскими и балтийскими: через великий водный путь «из варяг в греки», на котором господствовали такие варяжские шайки полоторговцев, полупиратов, Русь Киевская всегда могла иметь помощь от своих соплеменников. Таким образом, небольшая кучка пришельцев, сидя на Днепре в Киеве, который служил узлом для двух главнейших притоков Днепра – Десны и Припяти, легко могла приобрести и удержать власть над туземцами, расположившимися как по Днепру, так и по бассейнам этих притоков, т. е. полянами, северянами и древлянами.

Конечно, причину успеха пришельцев надо отчасти приписать и положению туземцев-славян. Им угрожали с востока сильные хазары, которые с берегов Волги раскинули свое влияние, и не торговое лишь, а прямо завоевательное, через бассейн Дона до бассейна Днепра: в рассматриваемую эпоху хазары уже просто брали дань с полян и северян...

Пришедшая Русь прямо взяла в свои руки эти два существенных интереса местной жизни: защиту от хазар и охрану торговых сношений» (с. 29–31).

Кстати, к этому тексту прилагается и следующее замечание, которое с нашей точки зрения, ныне еще важнее самого текста: «Сопоставление разных мест летописи и иные соображения выдвигают следующее предположение как наиболее правдоподобное. В возникновении русской государственности принимали участие два элемента, близко между собой родственные – Русь черноморская и скандинавские варяги: об их столкновении в Киеве прямо свидетельствует летописец своим рассказом о нападении Олега на Аскольда и Дира, из которых последний – лицо историческое, упоминаемое арабскими писателями» (там же, с. 30). А возможно ведь, что «Черноморская Русь» как раз и является одним из «следов», которые оставили после себя готы, о которых шла речь выше?

Но в любом случае, в цитируемых выше отрывках в общем-то просматривается железная логика, но для нас главное то, что они легко вписываются в наш подход, причем и **объясняются им**, и вот как: Упомянутые выше А. Ефименко два элемента, а если говорить точнее, то **два процесса** – действительно имели место, но они были разнесены по времени! Вспоминая приведенный в Замечании П.5 пример с древними греками, естественно предположить, что сначала (скорее всего, в VII–VIII веках) именно русы (они же россы, а может – роксоланы?) попытались овладеть славянами, и для этого периода верно все сказанное автором – до того места, где мы прервали цитату. Но в действительности из-за своей малочисленности – по сравнению со славянами, покорения последних не получилось, а от хазар они не могли отбиться по той причине, что скорее всего сами были вытеснены ими из мест прежнего обитания.

Так что, в конце концов, они смогли лишь ассимилироваться (хотя и не полностью) со славянами, а точнее – с полянами, которые впоследствии и обнаружили более высокий уровень социальной организации по сравнению с остальными, как это просматривается из летописей, однако все же рождения государственности в полном смысле не произошло. Однако же стратификация, т. е. известное расслоение общества, все-таки усилилась, а вскоре сюда приходит уже *вторая волна* пришельцев – на сей раз варягов с Рюриком (который правил с 862 по 879 год, согласно летописи), и

вот этих-то как раз и характеризует вторая половина цитаты. Так что получается очень близкая аналогия со становлением государства и классов в Древней Греции, о чем шла речь в Замечании П.5 выше. Что касается Рюрика, то он предстает перед нами скорее неким «фантомом», не оставившим после себя сколь либо заметных следов, кроме сына – будущего князя Игоря Старого, который тоже выглядим достаточно странным правителем – умер он (насильственной смертью) 944 году, будучи почти восьмидесятилетним, но тоже оставив весьма малолетнего (летописное «вельми детеск был») сына – Святослава, который и стал Великим...

Это представляется нам не очень понятным, но несомненным в летописной истории есть, что после Рюрика руководил делами, а фактически строил государство, присоединив к нему славянские земли вдоль Днепра и его притоков, (притом мирным путем) аж до Киева, его воевода Олег. Вот только в случае с Киевом в 882 году он просто убил местных вождей Аскольда и Дира, не интересуясь тем, что (согласно некоторым летописным данным) Аскольд был русом, а Дир славянином, – для варяга Олега тогда они уже были одинаковыми! При этом сами киевляне-то и не думали сопротивляться, а тут же признали Олега своим князем.

Думается нам, что наличие русского элемента у полян и соответствующей стратификации наверняка облегчило инкорпорацию также и варягов в рамках одного государства, где эти последние образовали таки костяк господствующего класса. Кстати, опять же известный случай с князем Игорем, приведенный в “Повести временных лет”, подтверждает представление о типичности именно такой формы государство-образования. Вот что дает внимательное прочтение летописи – во-первых, оказывается, что было необходимым личное участие князя в процессе взимания полюдья, по причине персонификации им (вместе с близкой дружиной) всего господствующего класса.

Об этом явлении говорится у Костомарова в [14] (см. с. 46–49), хотя он и смешивает два *разных* процесса – полюдье и сбор дани. Тогда как первый характерен для цивилизаций 1-го поколения, то второй – уже для таковых следующего (феодального) поколения, но во времена Костомарова такое смешивание вполне объяснимо, конечно.

Во-вторых, варяжское происхождение Игоря (правил в 913–944 гг.) подтверждает и то обстоятельство, которое подчеркивалось в предыдущей главе – что в 1-ЦЭСЭС-системе (соотв. про-

то-рабовладельческой формации) разные классы возникают из *разных этнических* групп. Фактически об этом речь идет и у Костомарова.

Также достаточно четко в этой связи выражаются и авторы многотомного дореволюционного издания, вышедшего под редакцией знаменитого В. П. Семенова-Тян-Шанского (частью вошедшие в сборник [18]). Приведем для подтверждения цитату оттуда: *«Варяжские князья со своими дружинами сначала стали поверх населения, не смешиваясь с ним. Отношение их к управляемым было чисто служебное: они обязаны были защищать их, за что получали вознаграждение в виде разных видов дани – «полюдья», «повоза», «оброка». По городам сидели княжьи мужи из дружинников, представляя собою заместителей князей. Что касается собственно славянского населения, то оно в то время было довольно однородно и распадалось на две группы – свободных и рабов. Свободный класс состоял из людей (земства) и смердов. Группу упоминаемых еще гостей вероятно составляли те же люди в роли торговцев-воинов.*

Объединение совершалось вокруг главных торговых городов, тогда как племенные связи постепенно стирались... Деятельность варяжских князей преследовала цели: объединение славянских племен, защиту границ и завоевание и расширение рынков» (там же с. 16–17). Возможные замечания на эту тему по сути уже изложены выше.

Хотя впоследствии, как отмечал позднее Л. Гумилев, и *“малочисленные варяжские дружины не могли бы держаться в чуждой стране без поддержки каких-то групп местного населения. Эти проваряжские “гостомыслы”... жертвовали своей родиной и жизнью своих соплеменников ради своих корыстных интересов”* [11], (с. 440–441), что свидетельствовало о далеко зашедшем *разложении* внутри общин наших предков, “созревших” для классового расслоения – в третьих. И возможно, что «гостомыслами»-то прежде всего оказывались те же самые русы.

С другой стороны, еще и жестокость, проявленная княгиней Ольгой в известном случае с древлянами, подтверждает наличие глубочайшего антагонизма между классами, так что действительно **было** у нас прото-рабовладельческое общество (см. выше; также это подтверждается многими материалами из [17]), видимо достаточно примитивного уровня, который определялся уровнем производства в условиях Древней Руси. Более того, в X столетии, когда возникло крупное землевладение (сперва княжеское), там

широко стали использовать рабский труд. И рабами тут была та «челядь» (а именно – рабы-пленные), которая часто упоминается в летописях, и которой также систематически торговали. Несколько позже появились «холопы» – рабы уже местного происхождения из соплеменников, попавших в долговую кабалу.

Но уж во всяком случае тут подтверждается наблюдение Каутского, что *“и государство, и классы начинают свое существование одновременно”* [19] (с. 77). Конечно, на столь громадной и разнообразной по природным условиям территории, существовали и другие общества на разных стадиях разложения родового строя.

Замечание II.8. Стоит подчеркнуть, что такой проницательный мыслитель, как К. Маркс, отметил, что именно *«на Руси победители слились с побежденными раньше, чем где-либо еще в завоеваниях северных варваров, ... вожди быстро перемешались со славянами»* (в памфлете «Разоблачение дипломатической истории столетия»). Это положение и было позднее развито Каутским.

Однако тут же следует и подчеркнуть, что призвание варягов ничуть не умаляет чести наших предков, ибо как раз поэтому среди большей части их не произошло резкого социально-психологического разлома, почему столь долго и сохранялась у нас *община* (правда, к этому побуждали и природно-климатические условия нашей страны, в которой коллективами было легче выживать), но и к пользе для потомков, ибо общинная психология затем облегчила и переход к наивысшему донныне типу социального квази-организма.

Но давайте теперь уже более последовательно проследим дальнейшую историю с точки зрения используемого нами подхода и выделим некоторые из ее ключевых моментов, отметив ту *“особость”* нашей цивилизации, которая действительно имела место. Новая варяжская верхушка начала интенсивный процесс объединения разрозненных славянских племен в государственное образование, чему было самое время, ибо соседи как на западе, так и (особенно) на востоке тоже строили государственность, а некоторые имели уже развитую таковую (притом достаточно специфическую), а потому и известные преимущества.

О первом из варяжских *“князей”* – Рюрике, как уже отмечалось выше, известно в общем-то немного, лишь то, что он подчинил себе Новгород (как раз с помощью упоминавшегося выше местного старейшины Гостомысла), а затем и окрестные области – Ладогу, Белоозеро да Изборск; при этом ему пришлось подавить

и восстание в Новгороде (под предводительством Вадима Храброго). Кстати, поскольку князь и его дружина первоначально составили костяк господствующего класса, то представляется примечательным, что в этой среде тоже царил своеобразное *«равноправие»* – жили они вместе в княжеском *«дворе»*, а сам князь был лишь *«первым среди равных»*. Так что классы первоначально не смешивались этнически, отражая тем самым следы завоевания одной этнической группой другой.

После смерти Рюрика, как уже отмечалось, власть перешла к воеводе Олегу, ввиду малолетства Игоря – сына Рюрика. *“Вещий”* Олег, как его не зря прозвали в эпосе, оказался весьма деятельным и удачливым правителем, который прежде всего оседлал действующий *“путь из варяг в греки”* по Днепру, связав тем самым воедино северную и южную части Руси, ранее *“самостийные и незалежные”*, причем все это произошло без применения силы, что следует подчеркнуть особо.

Этот процесс шел достаточно легко и безболезненно, ибо все сильнее давало себя знать давление восточных соседей – Волжской Булгарии, но особенно Хазарии (этой *“третьей мировой державы”* того времени), а также и открытость южных рубежей для племен кочевников, причем вскоре – с 915 года, тут на постоянной основе появились печенеги – могущественное племенное объединение. А эти последние вскоре установили тесные отношения с тогдашней *“первой мировой державой”* – Византией, правда, начинавшей уже клониться к упадку, хотя и существовавшей еще свыше 500 лет, что имело заметные последствия для дальнейшей истории...

Думается, что именно Олегу (а не Рюрику) удалось по сути основать державу в первую очередь *из-за скорости* процесса – пока соседи не успели осознать этого, он расширил ее на запад, включив земли и племена древлян, и на восток, включив радимичей, вятичей и северян, хотя здесь он столкнулся с хазарами, уже систематически и достаточно давно изымавшими дань (в т. ч. и людьми!) со славянских племен.

Замечание II.9. Кстати, стоит отметить, что именно хазары действительно представляли собой громадную опасность среди соседей Руси, что и отразилось в древнерусских сказаниях, правда, в искаженном виде – вместо *хазар* ныне везде в соответствующих текстах фигурируют *татары*, которых во времена складывания нашего эпоса и близко не было! Я не знаю, в чем тут дело – то ли

в ошибках монастырских переписчиков сказаний, то ли в позднейших подчистках, как утверждают некоторые исследователи.

Но в любом случае именно Олег запретил данничество хазарам, сказав “*не платите хозарам, но платите мне...*”, согласно [6]. Наверняка это не привело к немедленному освобождению от дани, и следует согласиться с Л. Гумилевым, утверждавшим, что процесс этот растянулся на 80 лет ([11], с. 48), да и вряд ли он шел ровно да гладко. Кроме того, имеются свидетельства (к примеру, венгерского хрониста Анонима XIII века), что Руси в конце IX века пришлось также выплатить “откупные” племенам угров, которые переселялись в Европу, проходя южнее Киева. Можно предположить, что их вытеснили из прежних мест обитания (Южное Приуралье) сперва печенеги, а затем “вытолкали” Волжская Булгария да Хазария (причем первая к тому времени находилась в зависимости от Хазарии).

Далее Нестор-летописец упоминает, хотя и весьма кратко, о градостроительной деятельности Олега: “*тот Олег начал города ставить и установил дань словенам и кривичам*” [6], что весьма показательно в двух аспектах. Во-первых, хотя главной задачей построенных городов было: стать опорой центральной княжеской власти в ключевых геополитически точках, но затем они, как и везде, становились еще и центрами торговли да ремесел, что усиливало их значение.

Во-вторых, Олег установил дань даже для “своих” – родственных племен, что подчеркивало роль именно Киева, как центра государственной власти. Во всяком случае, именно Олег представляется *первым государственным* на Руси, хотя при нем в среде правящей верхушки, и прежде всего дружины (которая и составила впоследствии костяк правящего класса), наличествовала еще достаточно распространенная “военная демократия”, судя по преданиям и летописям, так что все это было еще далеко от феодального уклада, базировавшегося на владении правителя земель и праве надделения им надделов своим вассалам, как известно по той же Европе.

Но тут возникает следующий вопрос: *зачем* при столь активной деятельности по выстраиванию *внутренней* структуры государства Олегу понадобились еще и походы на Царьград? С точки зрения дружины ответ-то ясен – нужна ценная добыча, которой не получишь с местного населения, с него можно взять меха, мед, воск и т. п. И во времена Аскольда, в середине IX века (например, в 860 году) это выглядело вполне оправданным, но ведь через

полвека упомянутых товаров имелось наверняка в достаточном количестве, чтобы на них в том же Царьграде можно было выменять что угодно.

Причем без тех расходов, которые очевидно требовал военный поход многих тысяч человек, которые к тому же в массе своей не имели ни навыков взятия таких крепостей, как Царьград, ни соответствующих орудий! Так что летописное обоснование походов на Царьград, равно как и их результаты, нам представляется не слишком убедительным. А если еще учесть, что и *прямой* угрозы для Руси со стороны Византии в те времена практически не было – ей хватало забот внутри империи, да в непосредственной близости от нее, в Малой Азии, то тем более!

А “аргументы” вроде того, что “Византия мол, подкупала племена кочевников (с IX века – печенегов)”, тоже не представляются достаточно вескими, поскольку и так единственным доступным объектом грабежа для обитателей Дикого Поля были тогда славянские земли, еще не укрепленные да не обустроенные так, как Хазария или Крым. Потому думается, что для Олега вряд ли имели смысл военные походы далеко за пределы Руси, за одним лишь исключением – если это было результатом договоренностей с таким могущественным соседом, как интенсивно торгующая Хазария, для которой Византия была в тот момент главным соперником на торговых путях.

Так что если походы 907 и 911 годов на Царьград и были, то это свидетельствует о давлении со стороны хазар, но также и о государственной мудрости Олега, который в результате этих походов заключил некое соглашение с Византией “о свободе торговли” и “о взаимопомощи” (военными силами, а может и “предоплату” за это), если называть вещи своими именами и отбросить то “бодрячество”, которым наверняка грешили летописцы *post factum*! Во всяком случае, таким образом он обезопасил строящуюся Русь с юга на некоторое время, и потому не зря Олега называли Вещим! А вот с востока дела обстояли сложнее – хазары наверняка ведь спохватились, что получают опасного для их гегемонии соседа на северо-западе (тем более после удачных походов на Византию!).

И как же Олег мог вывернуться из такого положения? Скорее всего, он мог подыграть хазарам, наверняка зная их политику – меньше всего воевать самим, а натравливать один этнос или профессиональное сообщество на другое, прибегая при этом и к под-

купу (см. например [11]). Да у Олега имелись под рукой и те группы людей, которым просто необходимы были война и грабеж – отряды варягов. Думается, что они-то как раз и составили костяк небольших отрядов (где-то в полтора десятка ладей), которые в 909 и 910 годах совершили удачные набеги на южное побережье Каспия – это было вполне в их стиле!

А вот уже крупный поход (в 500 ладей!), совершенный туда же в 913 году, возглавлялся, по-видимому, самим Олегом, который хотя и достиг своей цели, но на обратном пути потерпел (в 3-дневном сражении) крупнейшее поражение от мусульманских наемников хазар. При этом русы потеряли не только добычу, но и своего князя Олега, после чего киевским князем до 944 года стал Игорь (сын Рюрика).

Этот правитель, если доверять летописи, отмечен печатью неудачника в большинстве своих начинаний – походы на Царьград оказывались крайне неудачными, русы несли большие потери. А если и удавалось совершить успешный захват, например, в 939 году хазарского опорного пункта Самкерц (будущая Тмутаракань), то последствия таких действий оказывались часто катастрофическими – из-за их полной непродуманности. Ибо лишь через год, в 940 году, последовал ответный поход иудейского полководца Песаха, не только освободившего Самкерц, но и захватившего весь Крым (за исключением хорошо укрепленного Херсонеса), а потом дошедшего и до Киева!

Это тогда Русь была принуждена не только заплатить дань хазарам, но и подвергнуться разоружению – *хазарам были выданы мечи* (т. е. «тяжелое вооружение» того времени!), о чем позже была придумана красивая, но слишком наивная легенда (см. [7, 11] об этом). А затем хазары используют войска русов снова (но уже как данников!) для похода на юго-западное побережье Каспия в 943 году, который опять-таки закончился полным провалом, вроде как предрешенным заранее?

А в следующем году и сам Игорь погиб при сборе “полюдь” с соседних с Киевом древлян, притом при *повторном* сборе, из-за нехватки дани для уплаты хазарам. Таким образом, становление государства при Игоре явно застопорилось, так что и его вдове Ольге едва-едва удалось сохранить статус-кво во внутривладевательском плане (хотя вятичи, к примеру, перестали платить “дань” Киеву). А во внешнеполитическом же ей удалось совершить единственный заметный шаг – во время “туристической”

поездки в Царьград она приняла христианство (а потом наверняка также обновила некоторые соглашения с Византией, скорее всего торговые), чем сумела предугадать наивыгоднейшее для Руси развитие событий в будущем.

При всех упомянутых неудачах Русь, однако же, не распалась – по той причине, что она изначально строилась на базе *одного славянского* Суперэтноса ([11]), что облегчило последующее построение не просто державы Киевская Русь, но (как оказалось в результате) целой цивилизации I-го поколения. И нам известно в данном случае имя человека, сумевшего сплотить, укрепить и расширить эту конструкцию, – это князь Святослав, сын Игоря и Ольги, которого по праву следовало бы называть **Великим**, хотя ему не сильно повезло в признании заслуг ни современниками, ни потомками. Но большое-то видится издали, как известно!

Святослав княжил лишь с 964 по 972 год, и его дореволюционные историки частенько называли “запорожцем на Киевском престоле”, с пренебрежительным оттенком. В советское время ему тоже не воздали должного, хотя именно советскому ученому академику Б. Рыбакову принадлежит, пожалуй, самая выразительная характеристика части его достижений: “*Походы Святослава 965–968 годов явили собой как бы единый удар сабли, который очертил на карте Европы широкий полукруг от Среднего Поволжья до Каспия и далее Северным Кавказом и Причерноморьем до балканских земель Византии. Замки, закрывавшие торговые пути русов, были сбиты*”.

Но ведь еще за год до этого Святослав прошел вверх вдоль Десны – на Оку к вятичам – и привел их к повиновению. А параллельно разведка пути упомянутого выше похода, наверняка с помощью вятичей “договорился” с волжскими булгарами. И только после всего этого спустился вниз по Волге до ее устья, тоже договорившись заранее с племенами печенегов и гузов, причем настолько точно, что встретились они как раз под столицей Хазарии Итилем! Да *неожиданно* для хазар, так что легко разгромил их и взял Итиль, затем пошел на Северный Кавказ, разгромил вторую хазарскую столицу Семендер, а напоследок и третью – Белую Вежу на Дону!

И тут надо также подчеркнуть еще одну сторону стратегического гения Святослава, который, по-видимому, хорошо знал структуру правящего класса Хазарии и, в частности, то, что иудео-хазарская верхушка его проживала именно в этих больших

городах, как и то, что на ней и была «завязана» вся власть. В противном случае попробуй за сколь либо разумное время покорить все степи, контролируемые на тот момент Хазарией!

Потому-то после таких ударов, нанесенных с хирургической точностью, Хазария не только рухнула как государство (а мы считаем, что в бытующем определении ее как “третьей мировой державы” – в пределах нашей Ойкумены – нет преувеличения), но и собственно иудео-хазар практически не осталось на ее территории, хотя ни о каком «холокосте» там и речи не было. Просто частью они убежали в Тмутаракань и в Крым, где сумели продержаться на господствующих позициях более ста лет, причем активно участвовали в политических интригах того времени, другие же – на Русь, в т. ч. в Киев, где занимались торговлей и ремеслами.

Кстати, также именно Святослав впервые обложил данью как волжских булгар, так и северокавказские племена ясов и касогов, а затем поставил Тмутаракань в качестве форпоста славянской цивилизации на юго-востоке. Суммируя, отметим, что эти походы Святослава ярко продемонстрировали его *стратегический полководческий гений*, так что он таким вот радикальным образом ликвидировал главную угрозу для нарождавшейся славянской цивилизации *с востока*.

Замечание II.10. При этом он ликвидировал и бесспорно уникальный исторический эксперимент – государство Хазарию, на чем стоит остановиться подробнее, ибо она дает хороший пример для общей теории – пример того, что *не получается* при конструкции цивилизации. Но и обратно – наш подход проясняет некоторые моменты в ее истории, до конца так и не выясненные. Исторические сведения о Хазарии взяты нами в основном из книг С. Плетневой [20] и Л. Гумилева [11]; ниже кратко изложим те их, которые нам понадобятся.

Собственно хазарами были племена тюркского происхождения – осколки мощного протогосударственного образования – Тюркского каганата, осевшие после его распада в VII веке в Черноморско-Каспийском междуречье. Об этом подробно идет речь в [11, 20], как и о взаимоотношениях хазар с булгарами (точнее, с двумя их ветвями), затем с Багдадским халифатом, а также с Византией. А в результате “...к началу VIII века федеративный союз племен, возглавляемый хазарами, занимал уже степи и предгорья современного Дагестана и Прикубанья, приазовские степи, частично

степи Северного Причерноморья и большую часть Крыма с входившими в нее приморскими городами” ([20], с. 23). Мы не будем входить в большие детали, отсылая за этим к [20], а проследим за появлением там того этнического элемента, который вскоре существенно изменил ситуацию, а именно – еврейской общины.

Известно, что в начале 1-го тысячелетия, после Иудейской войны, когда римляне разрушили еврейское государство, а по сути, цивилизацию 1-го поколения, остатки евреев ушли “в рассеяние” (т. е. в диаспору). Часть их осела в Персии, издавна им, впрочем, знакомой – еще со времен “Вавилонского пленения”. Они нашли свою «нишу» в торговле и ремеслах, и пребывали там до середины VI века, вплоть до “*революции маздакитов*” (см. об этом моменте в [11]), которую еврейская община в основном поддержала. А вот после поражения ее большая часть евреев ушла на Северный Кавказ, оказавшись таким образом на территории Хазарии, другая же их часть ушла в Византию (хотя и ненадолго).

В конце VII – начале VIII-го века Хазария столкнулась с весьма сильным противником – Багдадским халифатом, терпя поражение за поражением от “*непобедимых арабских армий, возглавляемых полководцами, перед которыми трепетали другие народы*”, как писала С. Плетнева в [20] (с. 40). Но халифат-то имел и другого могущественного противника – Византию, а потому не смог длительное время выдерживать войну “на два фронта”, да и смысла особого не было для арабов в захватах на севере, имея к тому же много чисто внутренних осложнений в самом халифате.

В результате этих осложнений в Хазарию пришла в VIII – начале IX века уже новая волна иудейских переселенцев из мусульманских стран, на этот раз более социально активных и образованных. Они быстро заняли лидирующие позиции в образовании и дипломатии – в дополнение к уже имевшимся таковым в торговле. А тут еще обстановка в каганате, быстро формирующемся уже как *классовое* государство (здесь снова уместно вспомнить [19]!), имеющем к концу VIII века общий язык и даже свою письменность ([20]), требовала и своей идеологии, которую в ту эпоху как раз и давала религия.

И потребовалась религия, *отличная* от религий государств – соседей и непосредственных противников, т. е. Халифата и Византии. А тут такая оказалась прямо под руками – детально разработанная монотеистическая религия иудаизма, которую исповедовала достаточно заметная и сплоченная социальная группа –

еврейская община. Таковы были обстоятельства, которые привели к уникальному в истории случаю.

И казалось бы, получается весьма сходный с изложенным выше способ образования господствующего класса, тем более что к тому времени еврейские купцы делили ведущие позиции в мировой торговле только с согдийскими купцами – через Великий шелковый путь – один из самых известных в истории, приобретая громадное экономическое могущество. В результате чего к началу IX века иудаизм стал государственной религией. Но и более того – реальную, т. е. исполнительную, власть в результате “демократического” переворота взял иудео-хазарин Обадия, приняв (библейский) титул “малик” (т. е. царь). Наследному же хакану из рода Ашинов остались чисто представительские функции, притом так умело ограниченные разными табу, что власть его стала сугубо номинальной.

Однако чтобы получилось устойчивое государственное образование, необходима все же известная степень симбиоза между классами и сословиями, некая “естественная” взаимодополняемость социальных функций [10]. Но тут оказалось, что «...новая религия не объединила, а наоборот – развела и без того непрочное государственное образование, возглавляемое хазарами» (там же). Дело в том, что в Хазарском каганате слишком уж разными были господа и подчиненные, слишком далеко они были разделены и культурой, и идеологией – весьма специфический и (слишком) детально регламентированный иудаизм (да еще с доктриной расового превосходства, восходящей впрочем к родовому строю, когда это было оправдано) не приживался у кочевников. Да что там у кочевников – “принятие иудаизма каганом, царем и всей итильской знатью оторвало их от остальной хазарской аристократии, жившей в дальних провинциях, мало связанных со столицей... Провинциалы и все, кто не принял иудейской религии, в т. ч. христиане и мусульмане, объединились против правительства. Возникла своеобразная хазарская фронда” ([20], с. 63 – 64). При этом “в войнах и подавлении восстаний иудейское правительство вынуждено было опираться не на население своей страны, не на своих вассалов, а на союзников извне. Так, восстание кабаров (“фронды”) было подавлено с помощью печенегов и гузов (именно после него оба этих народа появились в восточно-европейских степях)” (там же, с. 67).

Таким образом, правящая верхушка Хазарии сама же породила и своего могильщика, как оказалось позже. Тем более что “чем

догматичнее становилась религия кагана, чем крепче смыкалось вокруг него кольцо раввинов, тем стремительнее терял он власть над данниками и вассальными государствами, но и над своими поданными” (там же, с. 67). А с другой стороны, в Хазарии X века слишком мало уделялось внимания собственно производству, ремесла хирели, а “экономика Хазарии опиралась теперь только на широкие международные торговые связи... Большую роль играла при этом транзитная торговля, нередко спекулятивная перепродажа. Хазария превращалась в типичное паразитирующее государство” (там же, с. 70). – Вам ничего сегодняшнего не напоминает эта ситуация?

И еще одно весьма и весьма любопытное наблюдение было сделано С. А. Плетневой, которое нельзя не отметить, а именно: «Самобытное искусство погибло, ремесленники не создавали уже высокохудожественных произведений. Место ремесленников-одиночек заняли большие мастерские, в которых изготавливались вещи, предназначенные для массовой продажи, сделанные небрежно, наспех» (там же). Но прочитывая это более внимательно, мы видим таким образом не что иное, как прообраз капиталистической мануфактуры (или если хотите, некую «пред-мануфактуру»), которая появилась снова, но уже в Западной Европе, намного позже – почти на полтысячелетия! – И ознаменовала там зарождение уже капиталистического способа производства!

Стоит отметить, что в те времена, когда в Хазарии шли такие «футуристические эксперименты», в тогдашней Европе фактически и государств-то не было – основные их них, как известно, сложились лишь к концу X века. Однако в Хазарии эти эксперименты не привели к сколь либо подобным последствиям к тем, что случились позже в Европе. А вскоре оказалось, что и не могли привести, ибо когда замер Великий шелковый путь (из-за социальных потрясений в Китае), приносивший сверхприбыли, то основную роль в Хазарии приобрела торговля людьми (и в первую очередь детьми), что по-видимому и сыграло роковую роль для нее. Потому что именно это сделало Хазарию непримиримым врагом – как подчеркнул снова же Гумилев – и для западных, и для северных соседей, поскольку они не могли «встать на ноги» из-за обезлюживания своих земель.

Замечание II.11. К стати сказать, подобная картина повторилась полтысячелетия спустя уже в Южной Руси – из-за наличия у нее такого соседа, как Крымское ханство, да еще усугубленная польским

колониальным гнетом, тогда – в XVI – XVII веках вся Южная Русь не могла нарастить населения свыше 1–1,5 млн. человек... А потому не могли быть освоенными плодороднейшие земли, так что только в результате воссоединения с Россией в 1654 году, и последующей ликвидации последнею упомянутой “державы людоловов” в XVIII веке, положение резко изменилось! И опять-таки инициатор (и реализатор) такой политики, позволившей сохранить сам украинский народ, Богдан Хмельницкий не заслужил благодарности от потомков – воистину мы “*славних прадідів великих правнуки погані*” – Тарас был прав! Но об этом всем мы еще поговорим в последующем...

А возвращаясь снова к Святославу Игоревичу, к его роли в рождении нашей цивилизации первого поколения (т. е. Древней Руси) отметим, что точно так же и вокруг него сплелись разного рода легенды и мифы, все направленные на приуменьшение его роли в нашей истории. А потому стоит подчеркнуть что, как видится ныне, и его походы на Балканы преследовали очень даже осмысленную задачу – оградить только что родившуюся “славянскую цивилизацию” еще и от угрозы с юга. Да вдобавок и закрепить в стратегически важном месте – устье Дуная, где пересекались торговые пути и с юга, и с Западной Европы, и с севера, и с востока.

Заметьте – он стремился вовсе не в Царьград, хотя и бывал вблизи него во время походов, нет – цель-то у него была иной – стратегической! Причем стоит напомнить, что в 968 году Святослав уже овладел 80 городами Придунайской Болгарии, сделав некоей «пред-столицей» Переяславец на Дунае! Чтобы понять причины этих устремлений, снова же напомним – именно эти места уже играли важнейшую роль в начале I-го тысячелетия – ведь и готы-то стремились овладеть указанным регионом, да и владели им до гуннского нашествия.

Впрочем, вот что говорил сам Святослав, согласно «Летописи Русской», в 969 году, обращаясь к матери – княгине Ольге и «боярам» своим: «*Не любо мне в Киеве жити. Хошу жити в Переяславце на Дунае, яко ту есть середя земли моеї... ту все благая сходятся: от Грекъ злато, поволока, вина и овоцєви различных, из Чехъ же, из Угорь сребро и конони, из Руси же скоро и воскъ, медь и челядь*». Тут вам целое экономическое обоснование, а если вдобавок учесть и гипотезу (обсужденную выше, в замечании II.2) о фракийском происхождении древних славян – а

в таком случае память об этом наверняка сохранилась в устных преданиях! – то еще более понятны направления его действий.

Да и были у него предыдущие примеры, и наверняка знал он, что делал, хотя по-видимому и недооценил роль *внутренних* факторов, что привело вскоре самого Святослава к гибели. Но держава не рассыпалась еще и по той причине, что он же (еще и по этой причине заслуживший название Святослав Великий!) перед последним своим дунайским походом установил механизм наследования власти – Великим (Киевским) князем становится старший сын, а другие же сыновья по старшинству занимают княжеские столы в других городах – согласно их значению.

Причем в случае смерти Киевского князя вся эта цепочка поднималась на один шаг. А поскольку, с одной стороны, сыновей для этого хватало (ввиду многоженства тогдашних князей), а с другой – в то время не было и их «избытка», то этот механизм оказался действенным в течение почти всего последующего столетия. И при сыне Святослава Владимире Красно Солнышко, и внуке Ярославе Киевская Русь вроде как начала приобретать характер “универсального государства” в смысле Тойнби (впрочем, см. об этом ниже), что поддерживалось этническим фактором.

В Европе же того времени только-только сложились так называемые «национальные государства», о чем упоминалось выше, которые на самом деле были тогда совокупностью лишь номинально объединенных самостоятельных областей. Так что Русь вовсе не была в числе задних в этом государственном строительстве!

А вот Хазария рассыпалась при первом серьезном испытании – может еще и потому, что иудейская верхушка, будучи осколком древнееврейской цивилизации, попыталась просто механически перенести прежний опыт, традиции и веру (или можно сказать кратко – прежний проект), насадить их силой, не утруждая себя спецификацией, приспособлением к конкретной ситуации. Рассыпалась, несмотря на то, что дипломатия Хазарии была весьма хитромудрой и базировалась, как уже упоминалось, на использовании противоречий между различными этносами и конфессиями, сталкивая их друг с другом – ради своей выгоды (см. [20]). Однако все это давало только локальный, сиюминутный эффект, и естественно привело к тому, что в критический час верхушка иудеохазар оказалась брошенной всеми!

Замечание II.12. С точки же зрения теории, история Хазарии и дает собой также поучительный пример того, что цивилизации не

могут “размножаться почкованием”, т. е. взяв некий осколок одной цивилизации – социального организма, пересаживая его в другой, более молодой организм, и выращивая его (или, если хотите в более современной терминологии – **не могут цивилизации размножаться посредством “клонирования”**)!

II. 3. ПЕРИОД РАСЦВЕТА ДРЕВНЕЙ РУСИ И ЕЕ «СМУТНОЕ ВРЕМЯ»

Стоит отметить, что кроме Киевской Руси, в первой половине IX века в Центральной Европе сложилось и другое крупное славянское государство – Великоморавское княжество, хотя уже к концу того же века под давлением немецких феодалов с северо-запада, венгерских кочевых племен с юга, а также из-за внутренних усобиц, оно распалось. Вместо него в X веке сложилось менее крупное, но достаточно мощное Чешское государство, ставшее к концу этого века пограничным с Киевской Русью, установив дружеские отношения с нею. Примерно в то же время сложилось и Древнепольское государство, во главе с основателем династии Пястов, князем Мешко I (960 – 992), но добрососедских отношений с Киевской Русью у него, надо сказать, так и не сложилось.

Однако все таки крупнейшим славянским государством к концу первого тысячелетия н. э. была именно Киевская Русь, причем тут, как убедились выше, оказалось достаточно всего двух выдающихся деятелей – Вещего Олега и Святослава Великого – чтобы не только объединить разрозненные прежде славянские племена, но и устранить главные внешние угрозы для только что родившегося социального организма с востока и с юга. Причем границы так получившегося образования были «естественными» – на тот момент, конечно, так что именно этих князей и следует считать «родителями» самой первой из «наших цивилизаций».

Следующие за ними выдающиеся киевские князья Владимир Святославич (980 – 1015) и Ярослав Владимирович (1016 – 1054) значительно укрепили государство, хотя расширяли его уже только на запад и на северо-восток. Причем Владимир в основном продвигал пределы Руси на запад, примерно до реки Сан, а также заложил там ряд городов, к примеру – Владимир-Волынский. При

нем как раз и сложилась – в районе Перемышля – упомянутая русско-чешская граница, через которую уже тогда шел интенсивный торговый и культурный обмен.

Однако практически прекратилось продвижение на юг, из-за начавшихся снова нашествий орд кочевников из глубин Азии. Сперва это были печенеги, но Ярослав разгромил их в 1035 году. Затем пришли торки, которых, правда, удалось сделать союзниками, но за ними последовали половцы на целых полтора века... Однако Ярослав заметно расширил влияние на прибалтийские земли, а также на северо-восток, заложив вдоль Волги ряд городов, в т. ч. Ярославль. Но все же и Владимир и Ярослав отличились главным образом во внутреннем обустройстве и в структурировании Великого княжества, да в защите его границ: как оказалось, циклопические оборонительные сооружения – так называемые «Змиевы валы» – были построены именно в те времена...

Но к Владимиру Святославичу восходит также, может быть самое важное из нововведений, а именно – принятие им православия в качестве государственной религии. Хотя оно прививалось среди народа с большим трудом, но вся последующая история нашей цивилизации показывает, как часто в критические моменты именно православие сохраняло не только нашу особость, но и целостность цивилизации, включающей Южную Русь, а затем Малороссию. Да и центристремительные тенденции в ней подкреплялись тем известным обстоятельством, что православную церковь возглавлял сперва Великий князь Киевский, а затем – русский царь-самодержец.

Указанное образование, т. е. Киевскую Русь, собственно государством называть было бы неточно (тут скорее применим термин Тойнби «универсальное государство»), и очень хорошо по этому поводу, на мой взгляд, выразилась еще А. Ефименко: *«Если государство Олега, например, – буде сюда применим термин «государство» – захватывало Киев и Новгород, то это совсем не значит, что первым князьям принадлежала вся территория, лежащая между этими городами, а значит лишь, что им принадлежала власть над обоими этими отдаленными конечными пунктами великого пути «из варяг в греки», а следовательно, и известное влияние на всем протяжении этого пути, соединенное, может быть, с захватом еще некоторых пунктов по сторонам этого пути или его разветвлениям. Определение границ в современном смысле этого слова, т. е. по линии периферии политического*

организма, для этой первичной эпохи невозможно: можно определить территорию лишь по ее, так сказать, центральным пунктам, по городам и речным путям» (см. [17], с. 41).

Замечание II.13. Но мы бы выразили эту мысль следующим образом: Древняя Русь была специфическим федеративным суперкняжеством, и лучше всего оно попадает в нашу схему как целая «цивилизация», т. е. надгосударственное, надэтническое, надкняжеское образование, или Суперэтнос в смысле Гумилева. Причем она имело, как и организм, географический «хребет» в виде Днепра и его притоков – как основных путей сообщения, и как основную часть пути «из варяг в греки». Она имела и своих «родителей» – вышеупомянутых Олега, но особенно Святослава.

Сперва же она выдвинулась на историческую авансцену как Киевское княжество, потому что именно киевские князья, начиная с вышеупомянутых, явно доминировали в деле защиты и безопасности всех родственных этносов, доказывая это на деле. Тем более что с юго-востока снова надвигались орды кочевников, Киевское же княжество находилось на границе степи и вольно или невольно попадало в авангард борьбы с «погаными», имея для этого и силу, и авторитет.

Далее, в то время удельные князья принадлежали к одному роду и держались друг друга прежде всего, пока не успели ближе сжиться со своими подданными, стать для них *своими*. А вот когда последнее произошло – в эпоху после Ярослава, который согласно с традицией разделил свое княжество на уделы для потомства, – тогда и начался период, который А. Ефименко называла *удельным* ([17]), но представляется более точным название Н. Костомарова – *удельно-вечевого* уклад, продолжавшийся от смерти Ярослава в 1054 году и аж до нашествия монголов в 1224 году (в согласии с [14]).

Однако, по моему мнению, этот уклад-то и привел к древнерусскому „смутному времени”, понимаемому нами – вослед за А. Гойнби как *естественный* период в жизни цивилизации. И этот период наступил после великого княжения Владимира Мономаха (1113–1125) и его сына Мстислава (1125–1132), причем оба эти князя являлись действительно выдающимися личностями. Так, Владимир Мономах еще в 1111 году организовал общий поход князей в Сальские степи, где так сильно потрепал половцев, что они не совались на Русь аж до кончины его сына князя Мстислава. Кстати, именно в те времена Киев достиг своего расцвета,

имея около 50 тысяч жителей – максимальное число за всю историю Киевской Руси.

Но все таки очень правильно отмечал и Н. Костомаров, что „с середины XII века; то есть когда последовало ослабление священной власти и через то самое ошутительнее выступили наружу существовавшие и прежде народные (здесь и дальше читай этнические – Н. К.) начала... В этот век княжеские поделы и ограничения, через самое свое раздробление, стали вровень с этнографическими поделами (! – Н.К.) и подчинились народным началам, они самим делом существовали и прежде, ибо следы их слишком видны и раньшее...»

Середину XII века можно считать эпохой соединения княжеских побуждений с народными и обозначения форм, которые сами собой, свободно должны были по этнографическим причинам явиться в частях Русского края, как только ослабнут препятствовавшие их явлению связи. Но то отнюдь не была эпоха порождения народных стихий, которые облекались в эти формы. Деление по княжениям в этом случае уступало натуральному делению по народам. Деление вместе с тем нашло предел своему бесконечному разветвлению; народности указали ему границы, деление продолжалось, но уже новые ветви держались связи между собой в таких кругах, какие указывали на их народности» – так описывал он это время (см. [14], с. 52).

Это подтверждает наш тезис, что единство все-таки сохранялось, т. е. все еще существовала Суперсистема (1-го поколения). Но такая Суперсистема, выросшая как организм слишком быстро по историческим меркам, неминуемо должна была пережить, как уже отмечалось, **болезнь роста** в виде своего «смутного времени». Да оно и началось в рамках удельной системы к середине XII века. Тем более что наличествующие тогда условия производства (равно как и неразвитость средств сообщения, кроме как естественных речных) предопределяли с самого начала рыхлость Киевской Руси как «державы», в которой не было ни сколь либо крупного производства, ни интенсивного обмена между различными частями этого громадного пространственно образования, державшегося главным образом на этнокультурной основе.

Именно поэтому – подчеркнем это еще раз – Древняя Русь была скорее не державой, но по сути своей целой *древнерусской цивилизацией* (или 1-ЦЭСЭС-системой) с ядром, сосредоточенным в основном вокруг Киева, к которой-то и применимо, пожалуй, больше всего определение “славянская”.

Думается, что этот наш вывод подкрепляет и мнение Н. В. Гоголя, который, не имея еще в своем распоряжении достаточно материала, все же сумел проникнуть в суть происходящего тогда, иногда слишком заостряя его, конечно. К примеру, свою статью «Взгляд на составление Малороссии» (которую он предполагал в качестве введения к «Истории Малороссии» – см. [7], с. 134, примечание) Гоголь начинает так:

«Какое ужасно ничтожное время представляет для России (см. Замечание ниже – Н. К.) XIII век! Сотни мелких государств единоверных, одноплеменных, одноязычных, означенных одним общим характером и которых, казалось, против воли соединяло родство, – эти мелкие государства так были между собою разъединены, как редко случается с разнохарактерными народами» (с. 134). Так что, по мнению Гоголя, распад Древней Руси был предопределен **внутренними** причинами, и далее он разъясняет свою точку зрения подробнее: *«Они были разъединены не ненавистью, сильные страсти не достигали сюда, ни постоянная политикой – следствием непреклонного ума и познания жизни. Это был хаос браней за временное, за минутное, браней разрушительных, потому что они мало-помалу извели народный характер, едва начинавший принимать отличительную физиогномию при сильных норманнских князьях. Религия, которая более всего связывает и образует народы, мало на них действовала. Религия не срослась тогда тесно с законами, с жизнью»* ([7], с. 134–135). А современному читателю это ничего не говорит?

И затем, чуть ниже, Гоголь так продолжает тему: *«Самые ничтожные причины порождали между ими (речь идет об удельных князьях – Н. К.) бесконечные войны. Это были не споры королей с вассалами или вассалов с вассалами: – нет! Это были брани между родственниками, между родными братьями, между отцом и детьми. Не ненависть, не сильная страсть воздымала их: – нет! Брат брата резал за клочок земли или просто, чтобы показать удалство. Пример ужасный для народа! Родство рушилось, потому что жители двух соседних уделов, родственники между собою, готовы были восстать друг против друга с яростью волков. Их не подвигала на это наследственная вражда, потому что кто был сегодня друг, тот завтра делался неприятелем. Народ приобрел хладнокровное зверство, потому что он резал, сам не зная за что. Его не разжигало ни одно сильное чувство, ни Фанатизм, ни суеверие, ни даже предрассудок»* (там же, с. 135).

А под конец Гоголь еще раз подчеркивает неизбежность последующего распада: *«Оттого, казалось, умерли в нем почти все человеческие сильные благородные страсти, и если бы явился какой-нибудь гений, который бы захотел тогда с этим народом совершить великое, он бы не нашел в нем ни одной струны, за которую мог бы ухватиться и потрясти бесчувственный состав его, выключая разве что физической железной силы. Тогда история, казалось, застыла и превратилась в географию, однообразная жизнь, шевелившаяся в частях и неподвижная в целом, могла почесться географической принадлежностью страны»* (там же, с. 135–136). Сказано весьма сильно, впрочем, и сейчас следовало бы отнестись к этому серьезно и внимательно, а особенно нам!

Хотя касательно именно того времени Николай Васильевич, как думается, несколько преувеличивал степень разложения древнерусского общества – тут более точным, на наш взгляд, оказался Николай Иванович Костомаров (см. выше) да, кроме того, Гоголь явно не учел тут достаточным образом также и степени внешнего давления – со стороны Степи.

Кроме того, следовало бы также учитывать, что тогда у народа имелся и выход – уйти к единоплеменникам либо в северо-восточном, либо в западном, направлении, что и происходило, как увидим ниже. Но сначала отвлечемся на следующее замечание:

Замечание II.14. Касательно названий *Древняя Русь, Киевская Русь, Россия, Украина* и т. п., отметим – все они были позднейшими названиями. А тогда, начиная с Олега, употреблялись названия «Русь», «Русская земля», «род русский» – причем это закреплялось и на международном уровне. Так, они все зафиксированы в договорах: Олега с греками в 911 году, Игоря с ними же (с императором Византии Романом Лекапином) в 943 году, и других, именуемых в византийских источниках. Далее, первый судебник – кодекс Ярослава именовался «Русской Правдой», а во времена Владимира Мономаха, в начале XII века, выражение *Русская земля* стало вообще расхожим, что отмечалось чужестранцами, бывавшими там. О термине *Россия* речь уже шла выше, а касательно такового «Украина» еще и много столетий спустя никто не слышал, слышали же только о разного рода «украинах» (с ударением на первое а), они же «окраины» – относительно совершенно различных территорий. А вот само название «Украина» является простой калькой из польского “ucraina” (с переводом – «пограничная земля»).

Возвращаясь к тому, что же связывало славян в одну цивилизацию, Костомаров на первое место среди связующих элементов поставил «Происхождение, быт и язык» ([14], с. 55). Касательно происхождения, то имеются в виду общие («дунайские») корни, которые сохранились в преданиях, песнях, а также в языческих обрядах, живых в то время.

Сюда же он отнес «...общие славянам начала общественного строя. Вечевое начало было родное всем славянам русским. Повсюду, как коренное учреждение народное, является вече, народное собрание. Само выражение вече есть название, общее всем славянам русским...» ([14], с. 58). А чуть ниже еще раз подчеркивает: «Вечевое устройство должно было действовать соединительно на русский народ. Уже одно общее имя **вече** у всех русско-славянских народов к этому располагало... Все коренные обычаи, не только домашние и религиозные, но и общественные, по сходству начал своих должны были поддерживать сознание единства племени русско-славянского» (там же). Но при этом, тем не менее, как затем аргументирует Костомаров, сохранялось и деление на субэтноты (см. [14], с. 54–56; отметим также, что мы в своих комментариях, как правило, используем нашу терминологию, а не таковую источника, т. е. оригинальную).

Далее он совершенно верно подчеркивает появление еще одного, очень важного для дальнейшего, обстоятельства: «С принятием христианства явился в Руси один общий язык – книжный, и это была новая сильнейшая связь русских народов, прочнейший залог их духовной неразрывности. Мы говорим – с принятием христианства, ибо если принять, что договоры Олега и Игоря писаны были тогда же, когда заключались, то, вероятно, их писали или переводили русские христиане, и если бы даже язычники, то они должны были пользоваться плодами, принесенными христианством. Книжный язык сделался орудием и распространения веры, и удержания государственной жизни, и передавал общине всем понятия и взгляды. Вместе с потребностью высшей жизни явилась и форма, в которой могла быть достигнута эта потребность. Тогда во всех углах России, в какой бы то ни было ветви народной, в церквях раздавался один язык; власть старалась передать свой голос одним и тем же языком; событие старины – случилось ли оно в Кривской Земле, или в Руси, или в Новгороде – записывалось тем же самым языком. Знакомство с правилами веры и нравственности происходило через посредство

этого языка. Явились школы, и в этих школах учили на том же языке, не обращая внимания на то – из какого племени были учащиеся. Таким образом, везде и повсюду явилось одно орудие выражения высших потребностей жизни. Пока книжный язык существовал в своей чистоте, духовное единство не могло быть прервано...» (там же, с. 66 – 67).

А далее Костомаров еще раз подчеркивает: «...этот язык был и есть сильнейший двигатель сродства племен и взаимного богатства. Язык доставил нам единство. Но сам по себе язык не был достаточен для водворения единства политического» (с. 67). Мы считаем, однако, что и тут следовало бы более трезво оценивать роль книжного языка, ибо вряд ли он был разговорным для широких масс людей, тем более что в Древней Руси XII–XIII веков существовал с десяток диалектов, к коим и Н. Костомаров, и В. Антонович причисляли следующие: киевский (или южнорусский), смоленский, полоцко-витебский, новгородский, ростово-суздальский, галицкий и др. Да это и вполне естественно – ведь всего-то пара веков прошли с тех пор, как Русь сложилась из отдельных племенных союзов!

Однако же, диалекты эти не имели таких различий, которые не позволяли бы их носителям не понимать друг друга. Об этом свидетельствуют летописные факты, упоминающие о выступлениях представителей разных регионов на вечевом собрании иного региона, при чем переводчиков вовсе не требовалось! Это говорит о совпадении в основном этих диалектов, как очевидно.

Замечание II.15. А вот последующее разделение языков на три основных – нынешние русский, украинский и белорусский, началось вслед за расхождением «исторических траекторий» соответствующих ветвей древнерусской народности, как обусловленных сугубо историческими обстоятельствами, связанными с татаро-монгольским нашествием и его последствиями (о которых речь пойдет в следующей главе). И произошло оно не ранее, как считают большинство исследователей (в т. ч. А. Шахматов, Л. Булаховский, Ф. Филин, Р. Аванесов и др.), чем в XIV – XVI веках.

Здесь же хочу привести также отмеченные мною на житомирском Полесье еще в 1950 – 1960 годах различия, когда даже в соседних селах таковые имелись не только в произношении многих слов, но и в понимании некоторых из них. Я уже не упоминаю о языке, на котором говорят галичане – его нам было понять труднее, чем русский! И только после расширения радиосети, а особенно

телевидения в 1970 годах произошла некая стандартизация в области языка.

А вот в те времена, которые мы обсуждаем тут, необходимы были и другие скрепы, из которых весьма немаловажной для Руси была структура правящего слоя. О нем Костомаров говорит, как о «соединительном элементе» в следующем утверждении: «Вторым звеном, соединившим части Русской земли в эту первую половину русской истории, был княжеский род» – о чем мы уже говорили выше, подчеркивая временные рамки действия сего обстоятельства.

Замечание II.16. Более запутанным представляется вопрос о роли «православной христианской веры со времени ее введения и распространения по Руси», как его ставил Н. И. Костомаров. Со всем не все так просто было с этим, что отмечал уже Н. В. Гоголь (см. выше), да он же в своих «Вечерах на хуторе близ Диканьки» очень выразительно описал языческие, по сути, обычаи и обряды, которые сам и наблюдал наяву. Да и Костомаров затем сам несколько убавляет свой оптимизм: «Не станем безусловно разделять мнение о чрезвычайной быстроте распространения веры между русско-славянскими народами...» ([14], с. 73 – 74).

Но с другой стороны, надо признать, что введение христианства практически не встречало сколь либо организованного сопротивления. И дело тут, по-видимому, в том, что в дохристианской Руси не было ни единообразного языческого культа (разве что Перуна следует считать более-менее общим для всех славянских племен богом), ни сильного жреческого сословия, как то было в государствах Древнего Востока или Южной Америки. В каждом племени имелись свои волхвы да знахари, но они практически не выходили на княжий уровень, насколько можно судить. Может поэтому в низах языческие корни славян укоренились весьма сильно, так что двух веков оказалось мало для утверждения христианства, вплоть до Батыева нашествия, как не раз проглядывается в фактах даже из летописей.

Так что не зря даже в XX веке известный русский религиозный философ-экуменист Г. П. Федотов подчеркивал изначально верхушечный характер процесса христианизации Руси: «Оно шло от верхних общественных слоев в низы, и не крестьянство (как в XIX веке) являлось преимущественным носителем идеалов». Однако это обстоятельство породило и то, что «мы лучшие всех культурных народов сохранили природные дохристианские основы народной души».

Также он весьма точно подметил, что хотя «греко-византийское христианство потеснило язычество на периферию», в глубину сознания и подсознания, оно в критические моменты истории снова выплывало на поверхность, что особенно ярко проявилось во времена татаро-монгольского ига. Однако современные авторы довольно редко учитывают это обстоятельство (напр. см. [3]).

С другой стороны (возможно, тоже из-за упомянутого выше отсутствия резкого антагонизма), православие очень много и взяло из языческого прошлого, обрядов и праздников – конечно, переработав их на христианский манер. И думается мне, что при этом сыграло свою роль и первое падение Константинополя в 1204 году. Напомним, что тогда эта столица христианского государства была взята и разграблена крестоносцами, которых сорганизовали на это венецианцы – европейцы, кстати говоря. И причина была весьма банальной: Византия мешала венецианским купцам без оглядки вести свои операции как в восточном Средиземноморье, так и в Черном море. А провозглашенная крестоносцами Латинская империя тут же предоставила им монополию на торговлю во всем Черноморском бассейне, т. е. полную свободу рук – так что цели европейцев не меняются...

Но в результате всех этих событий православие на Руси впервые оказалось предоставленным в известной мере самому себе, почему ему и пришлось искать корни в уже имеющейся восточно-славянской цивилизации (еще 1-го поколения). Вот такая религия и стала впоследствии тем *русским православием*, которое было одним из главнейших оснований последующего социального организма – *русской цивилизации* (2-го поколения).

Затем в 1261 году византийский император Михаил Палеолог обратно отвоевывает Константинополь, уже с помощью генуэзцев – заклятых врагов Венеции, так что в результате Латинская империя крестоносцев пала, а Черное море стало вотчиной уже иной разновидности «европейцев». Но такой возврат Византийской империи пришелся уже на самые тяжкие времена татаро-монгольского ига, так что восстановление тех связей, которые были в прошлом, было весьма трудным делом. Да и Византии видимо, было не просто решить, с какой частью Руси следовало восстанавливать связи (об этом см. в следующей главе).

Так что очень важным оказалось то обстоятельство, что к моменту нашествия православие в общем-то уже имело корни в сознании значительной части населения Древней Руси, о чем хорошо

сказано Костомаровым в [14] (на стр. 73 – 80); так что тут Николай Иванович тоже оказался ближе к истине, чем выше упомянутый Г. Федотов.

Однако последний в другом моменте был определеннее, а именно – что новый подъем религиозности связан именно с деятельностью Сергия Радонежского, которому в его делах была присуща «совершенная мерность, гармония в деятельной, и созерцательной жизни». Но главное – все же в том, что к тому моменту появилась настоящая общественная потребность *идеологического* обоснования рождающегося тогда *нового* социального организма. Роль Сергия Радонежского в этом процессе позже была уточнена и обоснована, к примеру, Л. Гумилевым, о чем речь будет идти в следующей главе. Еще одному уточнению посвящено следующее замечание:

Замечание II.17. Стоит также подчеркнуть, что говорить о существовании русского народа в те времена (как это делают наши «патриёты») было бы, конечно, необоснованной экстраполяцией ситуации, какой она сложилась на несколько столетий позже. Повторимся – можно говорить только о древнерусском народе (или, короче – о *русичах*), как имеющем черты Суперэтноса, ибо все же главной была этническая общность, хотя далеко не совершенная однородность.

Причем образование впоследствии трех главных ветвей этого Суперэтноса является **развитием** его от древнерусской общности, т. е. движением вперед, а не назад, хотя и весьма не простым. А движение это потому и было не прямым, а *разветвленным*, что соответствовало оно исторически по-разному складывающимся (в разных местах) специфическим обстоятельствам, о которых будет идти речь ниже, но все же в конечном счете, как увидим ниже, передвижения эти оказались *параллельными*, но вовсе не расходящимися (сохраняя таким образом *общий смысл* нашей истории)!

Вообще-то этому обстоятельству безусловно способствовало и непрерывающееся передвижение людей еще с конца XI века, заметно усилившееся в следующем XII веке. Особенно существенным было переселение выходцев из Юго-Западной Руси (убегавших в т. ч. и от княжеских усобиц) в не слишком еще заселенные и освоенные земли Руси Северо-Восточной. Стоит тут же отметить, что подобное явление повторилось, хотя и в меньшей степени, затем и в XVI веке (см. главу IV).

Доказательства наличия этого процесса можно проследить даже прямо в географических названиях – названиях городов, рек и т. п., сохранившихся донныне. Действительно, выходцы из Киевской и Волынской земель приносили с собой названия Вышгород, Галич, Звенигород, Кременец, Переяславль, Перемышль, Стародуб, и т. д. (часто с добавлениями, вроде Переславль-Залесский и т. п.).

А киевские речки Лыбедь и Почайна «проявлялись» также и в Рязанской, Владимирской и Нижегородской землях, приток Днепра река Ирпень дала название притоку Клязьмы во Владимирской обл., приток Оки в Калужской обл. назван Киевкой. Не говоря уже о многочисленных названиях сел вроде Киево, Киевцы и т. д.

Более того, Н. Костомаров еще в середине XIX века находил явные следы южнорусского говора в говоре новгородском, о чем, равно как и о других языковых подобиях и различиях, подробно говорится в его трудах (см. [14], с. 59–66). Потому нам представляется понятным и обоснованным его вывод: *«И природа, и обстановка исторические – все вело жизнь русского народа к самобытности Земли, с тем, чтобы между всеми Землями обрзовалась и поддерживалась всякая связь»* ([14], с. 80)

А вот с продолжением его мысли к следующему «идеалистическому» тезису: *«Так Русь стремилась к федерации, и федерация была формой, в которую она начала облекаться»* (там же), уже вряд ли можно согласиться. Мы считаем, что такой вывод следует рассматривать лишь как совершенно необоснованную попытку экстраполяции особенностей прежнего, еще родоплеменного строя, на будущее.

Хотя с последующим его выводом: *«Татарское завоевание сделало крутой поворот в ее государственной жизни»* (там же) не согласиться, конечно, нельзя. Причем, если судить объективно, а не эмоционально, то как раз оно-то и послужило фактором дальнейшего *поступательного* развития «нашей цивилизации», о чем речь будет идти в последующих главах.

Теперь приведем в качестве заключительных два замечания, первое из которых подтверждает наше заключение о (прото) рабовладельческом характере Киевской Руси, по крайней мере, до XII века (точнее, до «смутного времени»). Оно восходит к А. Ефименко и мы решили привести ее мнение тут, хотя оно слишком «робкое» и не является достаточно убеждающим, на наш взгляд.

Замечание II.18. Вот как она аргументировала: «...если смотреть на элементы древнерусского общества не с точки зрения их общественных функций, а их общей право-способности, то они разбиваются лишь на две группы: людей свободных и рабов» ([17], с. 53). А несколько ниже она уточняет: «Рабы были необходимо принадлежностью того хищного и вместе с тем торгового общества, каким была первоначальная Киевская Русь. Набеги на соседние страны, которыми жила Русь первых князей, обильно снабжали Русскую землю рабами; по свидетельству и иностранных писателей, и собственной нашей летописи, «челядь» была одним из главных предметов русской торговли». Рабы «были необходимы если не для производства, то для личных услуг. Но что рабы-«челядь» участвовали и в производстве, на то есть прямые указания: хозяйство богатых княжеских «сел» ... а также, надо думать, и боярских, велось рабским трудом» (там же, с. 63).

Следующее же замечание несколько забегаает наперед, но мы даем его ради объяснения некоторых утверждений, встречающихся в тексте. Позже мы еще вернемся к его более детальному обоснованию.

Замечание II.19. Отметим, что не раз упоминавшаяся в тексте «особость» (и устойчивость, заметим) нашей цивилизации (о чем, впрочем, имеются основания говорить, только начиная с XVI века) заключается в том, что в ней содержание закреплялось формой, а именно – образованием «универсального государства» (то же относится и к Китаю). Это обстоятельство практически исключало в ней борьбу за место «сердцевины», т. е. именно то, что сотрясало западную цивилизацию и как феодальную (т. е. как 2-ЦЭСЭС-систему), и как буржуазную (т.е. как 3-ЦЭСЭС-систему).

ЛИТЕРАТУРА

1. Кравчук Н. В. «Элементы системного подхода к Метаистории» – АИРО-XXI.
 2. Тойнби А. Постижение истории. – М.: «Прогресс». 1991.
 3. Платонов О. Святая Русь. Судьба русской цивилизации. // Молодая гвардия/ 2002. №11–12.
 4. Каспэ С. Российская цивилизация и идеи Тойнби // Свободная мысль. №2/ 1995.
 5. Киевский синопсис. – Киев. 1836.
 6. Моисеев Н. Н. Современный антропогенез и цивилизационные разломы// Вопросы философии/ №1/ 1995.
 7. Літопис Руський. Київ: Вид. „Дніпро” – 1989.
 8. Гоголь Н. В. Арабески. М.: Молодая Гвардия. – 1990; Гоголь Н. В. Тарас Бульба. – Собр. Соч. М.: Т. 2. 1984.
 9. Кара Мурза С. Демонтаж народа. – М.: Изд. АСТ. 2007.
 10. Кравчук Н. В. Наш взгляд на Мета-историю (системный подход) // Коммунист. 2001. №1.
 11. Гумилев Л. Н. От Руси к России. – М.: Изд. АСТ. 2003.
 12. Костомаров Н. И. Русские инородцы. – М.: Изд. Чарли. 1996.
 13. Антонович В. Б. Моя сповідь. Вибрані історичні та публіцистичні твори. – Київ: Либідь. 1996.
 14. Костомаров Н. И. Русский мир. – Киев: Радуга. 2006.
 15. Флоренсов Н. А. Троянская война и поэмы Гомера. – М.: Наука. 1991.
 16. Кравчук Н. В. Об истоках нашей трактовки Метаистории // Пост-модерновый мир и Россия. – Москва–Волгоград. 2004.
 17. Ефименко А. Я. История украинского народа. – Киев: Лыбидь. 1990.
 18. Малороссия. Новороссия. Крым. – М.–СПб.: Изд. АИРО-XXI. 2006.
 19. Каутский К. Материалистическое понимание истории. Т. 2. – М.–Л.: 1931.
 20. Плетнева С. А. Хазары. – М.: Наука. 1986.
-

Серия «АИРО – научные доклады и дискуссии. Темы для XXI
века»
Вып. 25

Н. В. Кравчук

История отечества глазами малоросса. (Метаисторические очерки)

Научное издание

Дизайн *Сергей Щербина*

Ответственный за выпуск *А. Г. Макаров*

Подписано в печать с оригинал-макета 19. 01. 2009 г.
Формат 84х108 ¹/₃₂. Бумага офс. Гарнитура Таймс.
Усл. печ. л. 6. Тираж 300 экз.

АНО НИЦ «АИРО–XXI»
107207, Москва, Чусовская ул., д. 11, к. 7.
Тел.: (495) 466-16-35
E-mail: andmak@airo-xxi.ru
<http://www.airo-xxi.ru>

Как известно, по мере развития человеческого общества и его социальной структуры, появилась и потребность понять свою историю, которую со времен Геродота понимали как чисто описательную науку. И уже с XVII века делаются попытки разобраться в накопленных фактах и сведениях, найти в них систему, какие-то общие закономерности развития социальных образований, т. е. посмотреть на историю «сверху». Так и появилась Метаистория в нашем понимании («мета» на греческом и означает «над, сверху»), но только в XIX веке определились два последовательно метаисторических подхода.

Первый восходит к К. Марксу и Ф. Энгельсу, представивших историю человечества как линейно упорядоченную последовательность формаций, сменяющих одна другую (иначе говоря, тут имеется линейный прогресс). Движущей силой истории они считали борьбу антагонистических классов, и многие предсказания марксистской теории оправдались в последующем.

Во второй подход входят «цивилизационные» теории, сводящие историю человечества к сумме историй локальных «цивилизаций» или «культур», или же этносов, носящих, как правило, циклический характер. Но вопрос, как объяснить историю человечества в целом, ее движение, не получил в них убедительного ответа. На проблемы, возникающие в обоих подходах, обратил внимание в 1990-х годах академик Н. Моисеев. Он предположил возможность некоего их синтеза, используя теорию систем; более конкретен был проф. Г. Пирогов.

Оказалось, что действительно в рамках системного подхода удается выделить некие обобщенные Суперсистемы, для характеристики которых требуются как формационные, так и этнокультурные соображения, притом взаимно дополняющим образом. В первом очерке здесь приводится обоснование появления

таких n-ЦЭСЭС-систем, допускающих как параметризацию по типам, так и взаимодействия друг с другом.

При последних-то и возникает новое социальное качество, хотя далеко не при всяких взаимодействиях, что популярно объясняется в этой части, причем движущей силой истории здесь представляются «столкновения» различных ЦЭСЭС-систем. Хотя изложение тут ведется в общем-то с прицелом на то, чтобы суметь разобраться в «смысле» истории нашего Отечества на разных ее этапах, понять внутреннюю логику ее.

Второй очерк как раз и посвящается первому этапу нашей истории – обстоятельствам рождения Древней Руси, как 1-ЦЭСЭС-системы, и дальнейшей ее эволюции. При этом получают естественные ответы на некоторые вопросы ее истории, не получившие до сих пор общепризнанного решения.

В последующих очерках будет прослежена дальнейшая эволюция «нашей цивилизации», в первую очередь – на довольно запутанном этапе «раздробленности» ее, наступившем после татаро-монгольского нашествия. Затем дан анализ «смутного времени», показывается естественность и неизбежность воссоединения Малой Руси с Великой в единую державу, как и многое другое.

Н. В. Крабчук